

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соз. Ф. Гальми.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

И. И. ФИЛИМОНОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

Герцогъ Беневентскій.

Донъ Мануель

Мудіо

Бернардо

Марцелло

Помпео

Донна Лукреція

Донна Альбана

Вернеръ Гольмъ, магистръ химіи въ Кельнѣ.

Агвеса, жена его.

Генрихъ Гартнейдъ, помощникъ его.

Руоди, альпійскій горный пастухъ.

Анелли, сестра его.

Спиннолла, купецъ.

Марко, ювелиръ.

Лука

Леліо

Батистъ

} слуги.

Кавалеры и дамы, маски, свита герцога, вооруженные люди.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КЕЛЬНЬ.

(Лабораторія Вернера Гольма. Готическій сводъ, освѣщенный лампою. По стѣнамъ шкафы, частію запертые, частію отворенные, наполненные старыми пергаментными томами, тиглями и стеклянками, изъ коихъ въ-которыя съ надписями. Къ средній сцены, палѣво отъ зрителя, подъ закопченною трубою печь, въ которой, надъ раскаленными угольями находятся швогія, соединенныя между собою, стеклянныя и металлическія реторты. На полу опрокинутый ящикъ съ угольями, раздувательный мѣхъ, сосуды странной формы, и разныя другія принадлежности. Въ углубленіи сцены, въ углу, направо отъ зрителя, подлѣ главнаго входа, находящагося въ средній, лѣстница ведущая на верхъ).

I.

ВЕРНЕРЪ ГОЛЬМЪ (сидитъ на аванъ-сценѣ за столомъ, покрытымъ книгами и пергаментными свертками, склонивъ голову на руку, погруженный въ глубокое размышленіе). **ГАРТНЕЙДЪ** (занимается около печи).

ВЕРНЕРЪ (*читаетъ развернутую передъ нимъ книгу*).

- Оно изъ пара отдѣлится,
- Какъ сила — силой окружится,
- И разольетъ пріятный духъ;
- Оно все въ пурпурѣ узрится,
- Тебѣ предстанетъ такъ какъ духъ.

Всѣ признаки мнѣ вѣрны оказались,

Но и они насъ могутъ обмануть;

Хоть звѣзды всѣ пріятно намъ блестятъ,

Но и они обманчивы порою. —

Ужъ годы протекли, а все загадки смыслъ

Не разрѣшеть, не понять, не разгаданъ.

Неужли я все время, силу духа,

Какъ фиміамъ, сожегъ здѣсь для того,

Чтобы прогнать въ трубу лишь облачка сѣдыя? —

Не дерзость ли — дѣйствительнымъ считать,

Что мнѣ въ мечтахъ туманныхъ представлялось.

(*Вскакиваетъ*).

Не можетъ быть! Нѣтъ, вѣтъ!... мое желанье

Преступнымъ быть не можетъ никогда!

Я обольщенъ не жаждою стяжанья,

И золото — не одного меня

Должно на вѣкъ возвысить, осчастливить:
 Хочу добро разлить на цѣлый міръ!
 И бѣдствія, лишения, нищету,
 Хочу совѣмъ согнать съ земнаго шара;
 Достойнѣйшимъ — вѣнецъ побѣдный дать!
 Да, я хочу!... Я долженъ непремѣнно!...
 Ужъ съ моего предчувствія не разъ
 Спадалъ покровъ, и мой пороческій
 И быстрый взоръ, глубоко пропикалъ
 Въ сокрытый смыслъ творенія природы. —
 То не обманъ — что духъ мвѣ обѣщалъ;
 И видѣлъ я — какъ брызги золотые
 Блеснули вдругъ изъ подъ моей руки.
 Хотя бъ я долженъ былъ за звѣзды ухватиться,
 Но золото должно подъ той рукой родиться!

ГАРТНЕЙДЪ (у печи).

Всѣ вещества въ броженіе пришли,
 И ихъ нары, поднявшись вверхъ, клубятся.

ВЕРНЕРЪ (подбѣжоает на минуту къ печи).

Ну хорошо, возьми морены бѣлой
 И фосфору еще въ составъ прибавь.
 Огня Гартнейдъ, огня, еще огня.

(Опять выходитъ на аванъ-сцену).

Сомнѣнье прочь, тутъ долженъ быть успѣхъ!
 О золото!... Ты солнце нашей жизни!
 Всѣхъ благъ земныхъ и счастья печать,
 Ты каждого желанія порука,
 И къ каждой намъ ты цѣля проводникъ,
 Вѣнецъ всего, ты ключъ отъ каждой двери,
 Ты умъ глупца, уroda красота,
 Ты сильныхъ власть, ты право слабыхъ,
 Ты межъ людей — единое... и все!...
 Тебя родить не только силъ броженье
 Въ утробѣ мрачной горъ, и случаемъ слѣпымъ,
 Но произвестъ тебя искусство можетъ.
 И наконецъ, святая жажда знанья,
 Которая кипитъ въ груди моей,
 Проникнетъ въ тьму рожденья твоего!
 И отъ нея ты какъ бы ни скрывалось,
 Оно всегда, всегда найдетъ тебя!

ГАРТНЕЙДЪ (въ хлопотахъ у печи).

Всѣ вещества почти ужъ отдѣлились,

Осадокъ лишь остался тутъ ва днѣ.

ВЕРНЕРЪ (подходя къ печи, послѣ
нѣкотораго молчанія).

«Оно изъ пара отдѣлится»

Учитель говорить, — и вышло точно такъ

Какъ сказано; изъ пара отдѣлилось. —

Однако мы далеко ужъ дошли.

Теперь, Гартнейдъ, примися ты сейчасъ

И отдѣли отъ твердаго всю жидкость,

На трети ты осадокъ раздѣли,

Меркурія прибавь и трисмегиста,

А послѣ это все спокойно прохлади.

ГАРТНЕЙДЪ.

Ну хорошо, я все исполню точно.

ВЕРНЕРЪ (возвращается на аван-сце-
ну и бросается въ кресла).

Какое счастье, блаженство было бъ мнѣ

Дождь золотой лить щедрою рукой

Кругомъ себя, на высохшую землю;

И насаждать цвѣты, деревья, зелень

Тамъ, гдѣ волчець и тернія росли.

Мнѣ мало лишь дышать и тѣмъ довольнымъ быть,

Къ одинымъ краямъ бокала прикасаться; —

Нѣтъ, чашу радости вполне хочу я пить,

И закрывать свой взоръ отъ утомленья,

Не тягостью труда, — избыткомъ наслажденья!

И если этого возможно достигать,

То почему же мнѣ не можетъ быть возможно?

Неужли мнѣ довольствоваться должно —

Возвратомъ дня, женою и дѣтьми,

И въ домѣ жить своемъ, презревшему людьми?

И мнѣ-ль покой?... лишь мертвымъ онъ приличенъ,

Нѣтъ! жизни въ глубь я бодро мчусь живой,

Пока отъ мертвеца я все еще отличенъ;

До времени — не пуженъ мнѣ покой,

И срокъ далекъ, когда я успокоюсь,

Какъ часъ пробьетъ, все кончится тогда.

Еще горятъ мой взоръ, блеститъ моя звѣзда!

(Вернеръ погружается въ задумчивость. Гартнейдъ между-тѣмъ

окончивъ въ печи работу свою, подходитъ къ неподвижному Вернеру и съ минутой смотритъ на него).

ГАРТНЕЙДЪ.

Что сдѣлалось? — Вы кажется не въ духѣ.

А лучше бы, пока работы пѣтъ,
Сказали бъ мнѣ, объ чемъ забота ваша?

ВЕРНЕРЪ.

Оставь меня!... Оставь! и прочь поди.

ГАРТНЕЙДЪ.

Оставь меня и прочь поди! — Какъ такъ?

И вы таквмъ сказали гордымъ тономъ,
Да и кому жъ? Мнѣ, Генриху Гартнейду?

Я думаю, припомнить можно вамъ,

Что вы должникъ мой, Генриха Гартнейда;

Вы дали мнѣ въ залогъ свой домъ и дворъ,

Въ такой цѣпѣ, чего они не стоятъ;

Мой врагъ со мной согласенъ будетъ въ томъ.

Не отдалъ-ли я вамъ послѣднее имѣнье?

«Оставь меня!» Да чортомъ я клянусь,

Я не хочу итти, я не пойду!

ВЕРНЕРЪ.

Я не пойму, скажи, что это значить?

Скажи мнѣ, что тревожить такъ тебя?

ГАРТНЕЙДЪ.

И вы о томъ меня еще спросили?

Не сами-ль вы мнѣ сказки говорили,

О солнечныхъ лучахъ, тинктурѣ золотой,

О томъ, о семъ — и вотъ уже три года

Какъ стали вы обманывать меня.

Намъ дѣла тьма, мы плавимъ, иснаряемъ,

Разводимъ, жжемъ, толчемъ или мѣшаемъ;

Гдѣ жъ золото? — Скажите же вы мнѣ?

Тамъ въ тиглѣ часть варится львиной крови,

Ну хорошо! — Въ томъ тиглѣ лунный камень,

Прекрасно все! — А тамъ меркурій, трисмегистъ,

И множество другихъ, — все это превосходно!

Да золото-то гдѣ? — Прошу сказать!

Гдѣ жъ золото у насъ?

ВЕРНЕРЪ.

Молчи, клянуся адомъ....

ГАРТНЕЙДЪ (*перебиваетъ*).

Какъ? — Мнѣ молчать? — Нѣтъ, я не замолчу!

Вѣдь я одинъ несу все бремя жизни,
 Нѣтъ у меня — жены, дѣтей, родныхъ,
 И ничего нѣтъ въ мѣрѣ дорогаго;
 Мнѣ дороги лишь талеры мои,
 Наслѣдство то, которое сберегъ.
 Коль домъ съ дворомъ вы заложили мнѣ,
 Мой капиталъ еще покрытъ быть можетъ,
 Ну, а проценты что жъ? процентики мои?
 Потомъ опять проценты на проценты,
 Тутъ мой барышъ, проценты барыша,
 Которыхъ я еще не получалъ.
 Вѣдь не покроетъ ихъ меркурій, трисмегиастъ,
 Нѣтъ.... ихъ одно лишь золото покроетъ.
 Скажите жъ, гдѣ оно?... гдѣ золото, скажите?...

ВЕРНЕГЪ.

Я говорю тебѣ, безсмысленный глупецъ,
 Я говорю тебѣ, ступай ты къ чорту;
 Ступай туда, откуда ты прпшелъ.
 Ужъ много лѣтъ сносилъ твою я дерзость;
 Терпѣнья нѣтъ, я выду изъ границъ.
 Какъ, неужли я больше не наставникъ,
 Не господинъ тебѣ, затѣмъ что я
 Тебѣ должникъ? не получилъ-ли ты
 И вексель, и залогъ, и слово, и подписку?
 Чего жъ еще за талеры тебѣ?

ГАРТВЕЙДЪ.

Да получилъ, конечно, мейстеръ, я.

ВЕРНЕРЪ.

А развѣ далъ тебѣ я обѣщанье,
 Чтобъ болѣе того тебя мнѣ научить —
 Чѣмъ можешь самъ понять, прислуживая мнѣ?

ГАРТВЕЙДЪ.

Конечно, нѣтъ.

ВЕРНЕРЪ.

Чего же хочешь ты?

Тивктуры золотой или камня мудрецовъ?
 Разыскивай, учись, изслѣдуй такъ, какъ я.
 Зачѣмъ моей противишься ты власти?
 Не оттого-ль, что долженъ я тебѣ,
 Такъ ты меня и хочешь притѣснить?
 Я не стерплю! — Ступай своей дорогой!
 Ступай ты въ судъ.... и просьбу подавай.

Я господня, домъ мой еще покуда,
И слугъ найду, исправнѣйшихъ, чѣмъ ты.

ГАРТНЕЙДЪ (покорно).

Вы приняли ужъ слишкомъ горячо,
И ваша кровь ужасно взволновалась.
Извѣстно вамъ, что этого всего
Еще и нѣтъ въ услови у насъ;
Извѣстно вамъ, что я къ вамъ въ услуженье
Не для того съ охотою вступилъ,
Чтобъ заниматься мнѣ одною фармаціей.
Высоко мысль тогда рвалась моя,
Стремилась произвестъ, что солнце производитъ.

И вѣрно я, и честно вамъ служилъ,
Какъ вдругъ меня прогнать вы захотѣли,
За то, что я сказалъ словцо неосторожно.

На вашей головѣ — надежда вся моя!
И какъ вмѣшество свое вѣряютъ морю,
Такъ точно я вмѣнье возложилъ
Вамъ на главу, ученый, мудрый мужъ!
И мнѣ блеснуть всегда ей сіянье,
Какъ путнику — полярная звѣзда.

Когда жъ ее вдругъ облако закроетъ,
То неужли спросить не смѣю я,
Откуда дуетъ вѣтръ, откуда облака?

ВЕРНЕРЪ.

Нѣтъ, никогда для выпрепняго духа
Не можетъ быть вѣнецъ довольно высоко.
Я не рожденъ для дѣлъ простыхъ, вседневныхъ,
Я чувствую, что рокъ меня зоветъ,
Что избравъ я составить благо міра,
Отъ бремя нуждъ избавить вѣщету!
Мнѣ цѣль моя блеснуть въ дали туманной,
И долженъ я успѣхъ завоевать;
Да, долженъ я, и вѣрь моимъ звѣздамъ.

ГАРТНЕЙДЪ.

Зачѣмъ же мнѣ вы прежде не сказали?
Зачѣмъ же страхъ у васъ былъ на лицѣ,
Когда надежды вы въ трудѣ не оставляли?
Стираю я съ лица холодный потъ,
Я веселъ вновь, могу опять смѣяться;
Отъ всей души смѣяться я могу;
И вы со мной поемѣйтесь, мастеръ, вмѣстѣ.

Воображаю я, какъ талеры звенять
И кучки ихъ все больше возрастають.

(прервавши рѣчь)

Не правда-ли, вѣдь все вы позабыли,
О томъ, что вамъ, любезный господинь,
О векселѣ и долгѣ я сказалъ?
И то сказать, вѣдь сами вы хотѣли
Прогнать слугу, которой вѣрять вамъ;
Вы правы въ томъ, вы правы совершенно,
И потому должны имѣть успѣхъ;
Вѣдь вы мудрецъ и самый мужъ ученый.
Но лишь одно позвольте вамъ сказать,
Что странно мнѣ и чѣмъ я удивленъ;
Припомните, о лучшей амальгамѣ,
Которую достали съ вами мы
Изъ двухъ веществъ, изъ цинка и изъ мѣди.
Какой былъ блескъ, лишь только что легка,
Да и жестка она была немного;
А такъ желта, чудесно такъ желта,
Какъ золото, и самой лучшей пробы.
А назвали ее вы желтой мѣдью.
Когда-бъ Гартнейдова умишка вамъ послушать,
За золото ее могли бы мы спустить.

ВЕРНЕРЪ.

Молчи, Гартнейдъ, я не обманщикъ,
Я не хочу науку унижать
И посрамлять святыню званья;
Давать противъ себя оружье клеветы.
Могъ думать ты, съ нечестными руками
Безцѣнный перлъ найти въ пучинѣ тьмы?
Нѣтъ, ты предстань таинственному — чистый,
И съ помысломъ святымъ и непорочнымъ,
Иль никогда ты не найдешь его.

ГАРТНЕЙДЪ.

Пусть будетъ такъ; вы можете понять,
Что сдѣлать самому — одно, а приказать
Другимъ, совсѣмъ другое дѣло.

(прислушиваясь)

Чу — слышите ль?

ВЕРНЕРЪ *(погруженный въ задумчивость)*.
Что слушать мнѣ?

ГАРТНЕЙДЪ.

А какъ шумить, волнуется составъ.

ВЕРНЕРЪ (*сопровождается Гартнейдомъ,
подбѣгаетъ къ печи*).

Возможно ли? — Постѣвъ какъ скоро зрѣеть,

Какъ пѣвится и жемчугъ къ верху бьетъ.

Веди меня святое вдохновенье

И покажи, скорѣйшій въ дѣлѣ путь!

Но все еще работы много намъ,

И такъ, Гартнейдъ, за дѣло принимайся.

ГАРТНЕЙДЪ.

Извольте, я готовъ.

*(Агнеса при послѣднихъ словахъ сходитъ съ
лѣстницы).*

II.

ТЪ ЖЕ, АГНЕСА.

ВЕРНЕРЪ (*не замѣчая Агнесы*).

Ты Лулісовой соли

Прибавь туда, подай мнѣ тотъ фіалъ,

Гдѣ купоросъ хранится Валентиновъ.

ГАРТНЕЙДЪ.

Вотъ, мастеръ, онъ.

ВЕРНЕРЪ.

Его положимъ тутъ.

Прибавь углей, пусть пламя излетаетъ,

И духъ — отъ вещества, отъ праха отдѣлаетъ.

АГНЕСА (*незамѣченная Вернеромъ до
сихъ поръ, подходитъ къ не-
му и кладетъ ему руку на
плечо*).

Мой Вернеръ!

ВЕРНЕРЪ (*приподнимается, какъ бы
пробудясь отъ сна*).

Что?... Кто тутъ меня зоветъ?

А.... это ты!—

(Гартнейду) Прислужникъ бесполезный,

Ты для чего дверей на заперъ здѣсь?

АГНЕСА (*посль нѣкотораго молчанія, въ продолженіе котораго Вернеръ опять обратился къ печи*).

Вся ночь прошла, ея исчезла тѣнь,
И скоро ужъ проглянетъ юный день;
Но глазъ твоихъ — дремота не смыкаетъ,
Совсѣмъ потухъ огонь въ твоихъ очахъ,
Лишь лихорадки жаръ пылаетъ на щекахъ.

ВЕРЦЕРЪ.

Не то совсѣмъ, то отблескъ очага,
Огня, огня, Гартнейдъ, еще огня.

(*Молчаніе, въ продолженіе котораго Вернеръ и Гартнейдъ снова укрѣпляютъ реторту надъ огнемъ, не обращая вниманія на Агнесу*).

АГНЕСА.

Ты сталъ мнѣ чуждъ. Когда въ душѣ моей
Тебя сравню я съ Вернеромъ мнѣ мнлымъ,
Какимъ ты былъ, не узнаю тебя!
Тогда, какъ ты — и нынче тотъ же все.
Ты и теперь — все то же носишь имя,
Которое всегда такъ дорого мнѣ было;
И то жъ лицо, и такъ же голосъ твой
Звучитъ въ устахъ. — О! если Вернеръ ты,
Дай сердце мнѣ свое, дай вновь его найти! —

ВЕРНЕРЪ (*Агнесѣ*).

К чему такъ много словъ? Короче объяснись.
(*Гартнейду*).

Подай сюда мнѣ сѣру въ этомъ тиглѣ.

АГНЕСА (*отступившая нѣсколько шаговъ отъ Вернера, снова подходитъ къ нему*).

Я не могу короче объяснить,
И выразить мнѣ будетъ невозможно
Страданій всѣхъ и многихъ лѣтъ печалей.
Не прерывай потокъ моихъ рѣчей,
Пусть все открою я, что есть въ душѣ моей.
Ты приучилъ меня быть откровенной,
Когда вступилъ со мной въ союзъ священный;
Ты слушать самъ тогда меня любилъ,
Когда слова мои пѣсни радости звучали
И наши дни въ блаженствѣ пролетали.

Мой взоръ тебѣ открытымъ небомъ былъ;
 Былъ вѣренъ ты и чувствъ твоихъ стремленье
 Тебя влекло ко мнѣ, какъ сталь влечетъ магнитъ;
 Объ этихъ дняхъ мнѣ сердце говоритъ,
 Какъ въ домѣ ты своемъ вмѣшалъ все наслажденье,
 Онъ замѣнялъ — и рай, и цѣлый свѣтъ! —
 Да, были эти дни!... теперь ихъ больше нѣтъ!!

ВЕРНЕРЪ (*Гартнейду*).

Возьми свинцу, Гартнейдъ, и брось его въ составъ,
 Быть можетъ онъ для пробы будетъ нуженъ.

Да торопись.

(*Агнесъ*) А ты теперь скажи,

Кчему весь этотъ вздоръ, кчему вся эта брань?

Кчему ведетъ твое воспомнанье?

АГНЕСА (*скрывая слезы*).

Оно должно твою бы тронуть душу

И показать, какъ было прежде все,

Чтобъ понялъ ты, что нынче ужъ не то,

Что быть должно; что все ужъ измѣнилось.

Не думала я ссору зажигать,

Не для того бывое вспоминала!

Увидишь самъ, что сердце разорвало,

Что слезы лить заставило меня!...

Войди въ свой домъ, вѣдь ты хозяинъ дома;

Узнаешь - ли его?... Когда то озаревъ

Онъ счастьемъ былъ, теперь же обитаетъ

Одна печаль подъ кровлею его!

И гдѣ всегда умѣренный обѣдъ

Былъ счастьемъ и радостью приправленъ,

Теперь одинъ лишь голодъ только тамъ!

Ужъ пусть весь домъ, одинъ остались стѣны.

А дѣти знать хотятъ, что сдѣлалось съ тобой?

Гдѣ ихъ отецъ? гдѣ ты теперь живешь?

О, Вернеръ мой, когда ты къ намъ придешь? —

ВЕРНЕРЪ.

Да, знаю я, что домъ опустошило,

Что счастье разрушило у насъ;

Я знаю то, что это злая язва, —

Она-то всю въ насъ бодрость убиваетъ,

И отъ рѣсницъ прочь гонитъ сладкой сонъ,

Огонь очей, ихъ блескъ уничтожаетъ,

И на лицо намъ блѣдность смерти льетъ.

Зараза та, та язвая паша — бѣдность!—
 Зовете вы меня нетерпѣливо,
 Какъ страждущій зоветъ къ себѣ врача;
 И врачъ придетъ, сорветъ печать несчастья,
 И принесетъ съ собой вамъ жизнь и счастье!—
 Но надобно утѣшиться тебѣ,
 Еще одно осталось усилъе—
 Еще сорвать осталось печать;
 И будетъ навсегда ужъ золото у насъ,
 И изцѣлтъ оно отъ скорби васъ.

АГНЕСА (кратко умоляя).

О, Вернеръ мой! О какъ твои глаза
 Помрачены повязкой ложныхъ мнѣшій.
 Ты ко врагу спѣшишь на встрѣчу самъ.
 Что только есть — бросаешь ты на вѣтеръ.
 Твое богатство — дымъ!... а счастье — сумазбродство!...
 Не молнія, не градъ, и не война,
 И не чума — убили наше счастье,
 Но твой недугъ, желаніе узнать
 То, что отъ насъ закрыто вѣчной тьмой;
 И разорилъ насъ пламень этой печи,
 И что имѣла я, наслѣдство все твое —
 Въ ея трубу съ парами улетѣло. —
 Ты отвернулся самъ отъ счастья своего.
 Не видишь ты улыбокъ сыновей;
 Погребся здѣсь во мракѣ вѣчной ночи;
 И промѣнялъ на призраки — блаженство!
 О если бы тебя моя мольба,
 Моя нужда, мое несчастье побѣдило!
 Тронься! тронься!... и сжался надо мной!
 О! разорви союзъ свой незаконный,
 Связующій тебя съ нечестьемъ тьмы
 И вновь отца своимъ ты дѣтямъ дай!
 И возврати ты мнѣ опять супруга!..
 Тебя манятъ одна пустая тѣнь. (Обнимаетъ его).

ВЕРНЕРЪ (вырываясь).

Оставь меня! — Да будетъ проклятъ тотъ,
 Кто знаніе глупцамъ внушить желаетъ.
 И ты, жена, осмѣлилась сказать,
 Что призракомъ и тѣнію пустой
 Считаешь то, что такъ блеститъ, какъ солнце!
 Затѣмъ, что ты того своимъ умомъ

Не обоймешь, да в объять не можешь;
 А потому и думаешь, что я
 Быть долженъ вѣкъ хозяиномъ лишь дома
 И по мѣщански жить въ своихъ стѣнахъ,
 Жить такъ, какъ устрвцы живутъ;
 Жить между сномъ и глупымъ дѣломъ;
 Въ воскресный день, въ прогулкѣ, непременно
 Тебя, какъ всѣ, подъ ручку провожать;
 И въ бѣдности считать себя счастливымъ;
 Нѣтъ!... Лучше умереть! — Поди... поди... вотъ дверь.

АГНЕСА (*отвернувшись и закрывъ лицо руками*).

Ужъ это черезъ чуръ!

ВЕРНЕРЪ (*Гартнейду*).

Ну, слушай же меня:

Еще прибавь три капли львиной крови,
 Не болѣе никакъ, ихъ примѣшай въ составъ;
 Спѣши; скорѣй, чтобъ время не терять;
 Осталось памъ еще довольно дѣла.

АГНЕСА (*съ трудомъ прїидя въ себя, подходитъ къ Вернеру*).

Я выслушать мевя прошу васъ, Вернеръ.

ВЕРНЕРЪ.

Поди, поди, тебѣ я говорю....

АГНЕСА.

Нѣтъ, вы должны, вы выслушать должны!
 Ужъ не мольба обязываетъ васъ,
 Вашъ долгъ велитъ, нужда всего семейства,
 Подумайте, о дѣтяхъ вы своихъ!
 Мы на краю погибели стоимъ.
 Имущество мое ужъ все ушло;
 Не вѣрять въ долгъ, хотятъ займодавцы
 Имѣть залогъ, чтобъ плату обезнечить;
 И самый домъ нашъ скоро упадетъ,
 И изъ него, быть можетъ, пасъ прогонять.
 Что жъ дѣлать намъ?... Что?... Вернеръ, дай совѣтъ!...
 Ты золото извлечь, создать желаешь....
 Такъ лучше, мужъ, ты хлѣба намъ создай,
 И дѣтямъ умереть ты съ голоду не дай!

ВЕРНЕРЪ.

Ну, накорми ихъ.

АГНЕСА.

Чѣмъ?... Золою этой печи?

Иль изъ трубы мнѣ дымомъ ихъ питать?

Какъ ты и самъ себя питаешь съ нами

Лишь призракомъ пустаго ожиданья? —

Что жъ?... Вернеръ, что жъ?... Подай же мнѣ совѣтъ!

ВЕРНЕРЪ.

Могу-ль нуждѣ твоей повѣрить,

Какъ на тебѣ теперь изъ щегольства

Еще блеститъ на шеѣ украшенье?

АГНЕСА (*показываетъ на серебряную
цѣпочку, надѣтую у нея на
шею*).

Неужли ты не помнишь эту цѣпь?

Мнѣ матушка ея въ часъ смерти подарила;

На грудь мою надѣла мнѣ сама,

Сказавъ притомъ: что то послѣдній даръ

И ничего у ней ужъ не осталось.

ВЕРНЕРЪ.

Что жъ за бѣда, цѣпочку ты отдашь,

И за нее ты купишь дѣтямъ хлѣба.

АГНЕСА.

Послѣдній даръ отъ той, что такъ любила

Меня одну? — Которая меня

И отъ твоей любви остерегала,

И нашъ союзъ хотѣла бъ не свершить.

Ея любовь мою погибель предузнала!

ВЕРНЕРЪ.

А я скажу, Агнеса, что тотъ день

Былъ для меня днемъ радости и счастья,

Какъ мать твоя мертва въ гробу лежала:

Она ко мнѣ лишь пенавиость питала;

Твою любовь отторгла отъ меня. —

Однако-жъ я твой мужъ и господинъ,

Ты мнѣ должна во всемъ повиноваться;

Не хочешь-ли ты мнѣ сопротивляться,

Когда велю я цѣпь тебѣ продать?

АГНЕСА (*съ жаромъ*).

Такъ пусть же тотъ и цѣпь возьметъ,

Кто все ужъ взялъ, кто обманулъ меня,

И кто меня любившихъ пепавидѣлъ;

Я отъ тебя навѣки отрѣкаюсь!

Возьми ты все, послѣднее возьми,
 Сломай, расплавь, въ дымъ трубный обрати....
 И будетъ пусть проклятье падъ тобою!
(При послѣднихъ словахъ, срываетъ съ шеи своей цѣпочку и съ гнѣвомъ бросаетъ ее въ печь; отъ паденія ея разбивается стеклянная реторта; изъ разбитаго сосуда поднимается пурпуровое пламя, которое въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ не пропадаетъ).

ВЕРНЕРЪ *(въ сильномъ гнѣвѣ бросается на Агнесу).*

Жена!

(Замѣчаетъ пламя и пораженный внезапностію, едва можетъ опомниться и говоритъ про себя).

А!... это что?... Пурпуровое пламя!...

Ово! оно! и лѣтъ фіалки запахъ!

Объ этомъ такъ и книга говоритъ:

«Оно все въ пурпурѣ узрится».

ГАРТНЕЙДЪ.

Ай, ай, бѣда!... Все прахомъ обратилось,

Пропало все, что добыто трудомъ,

И что придумано высокою наукой!

Бѣда!...

АГНЕСА.

Самъ Богъ мою направилъ руку,

Намѣренье то было не мое!

Проклятіе лежитъ на вашемъ дѣлѣ,

Изобрѣла его — къ богатству алчность,

Тщеславіе — предприняло его,

Къ концу приводитъ — клятвопреступленье.

Тотъ путь тернистъ, которымъ ты пошелъ,

И ты цѣной души своей помыслъ приобрѣлъ!

(Уходитъ въ среднюю дверь. Вернеръ, между тѣмъ, собравъ остатки реторты, подходитъ на аванъ-сцену).

ВЕРНЕРЪ *(про себя).*

Остатокъ есть. — Ахъ, успокойся кровь!...

Мой плодъ былъ зрѣлъ; не пнемно-ль теперь

Разбилася реторта у меня? —

Увѣрепъ я, клянуся Вѣчнымъ Богомъ,

Что этотъ случай мнѣ надежду подаетъ.

ГАРТНЕЙДЪ *(стоявшій въ оцѣпенѣніи).*

Что-жъ начинать теперь намъ, мейстеръ, съ вами?

Вотъ, вотъ лежитъ предъ нами въ черепкахъ

Плодъ многихъ лѣтъ и жертва многихъ денегъ.

Пропало все.... а что осталось намъ?

Что?...

ВЕРНЕРЪ *(съ вынужденнымъ спокойствіемъ).*

Ничего.... осталось спать ложиться.

ГАРТНЕЙДЪ.

Какъ спать?

ВЕРНЕРЪ.

Ну, да! А съ завтрашняго утра,

Опять начнемъ свое зачатъе мы.

Поди Гартнейдъ, поди, ложись въ постелю.

Ушла Агнеса ужъ, поди жъ за ней,

Утѣшь ее п успокой....

ГАРТНЕЙДЪ.

Какъ, я?

ВЕРНЕРЪ.

Поди за пей! Ты видѣлъ, что она

Разгнѣвана ушла. — Или.... какъ хочешь

Такъ дѣлай самъ. — Поди и спать ложись.

ГАРТНЕЙДЪ.

А вы-то что?

ВЕРНЕРЪ.

Я подожду еще,

Мнѣ книгами здѣсь надобно заняться.

Поди жъ, поди, тебѣ я говорю.

ГАРТНЕЙДЪ *(про себя).*

Что это онъ меня торопить слишкомъ?

Какъ будто бы желаетъ провести,

Нѣтъ, надобно за нимъ поприсмотрѣть,

Повывѣдать, о чемъ онъ такъ хлопочетъ.

(Вернеру)

Когда вы мнѣ позволили уйти —

Такъ я пойду.... прощайте.... доброй ночи.

ВЕРНЕРЪ.

Покойной, доброй ночи! Смотри, запри же дверь

Ты за собой.

(Гартнейдъ тихо выходитъ въ главную юдверь; Вернеръ слѣдуетъ за нимъ глазами, потомъ бѣжитъ къ двери и прислушивается, осматриваетъ весь уголы и возвращается на аванъ-сцену).

III.

ВЕРНЕРЪ (одинъ).

Одинъ я наконецъ....

Предвижу я, что часъ уже насталъ
Рѣшительный; и *быть* — или не *быть*,
Должно теперь немедленно рѣшиться.
То вдохновеніе, съ которымъ я
Преодолялъ всѣ бѣдствія и трудность,
Превыше горъ возвысило меня! —
Не опускай полета мощныхъ крыльевъ,
И озари ты хаосъ думъ моихъ!

(Подходитъ къ столу и читаетъ въ раскрытой книгѣ):

«Оно все въ пурпурѣ узрится,

«Тебѣ предстанетъ такъ какъ духъ.»

Какъ духъ! — Кто глубь отыщетъ этой бездны?

Ужъ цѣль близка, но все впередъ стремится

Души полетъ... (вскрикнувъ)

Свѣтъ, свѣтъ!... исчезъ покровъ.

(Спѣшитъ къ шкафу, открываетъ его, вынимаетъ небольшую страннаго вида стеклянку, наполненную жидкостью водянаго цвѣта).

Ты это алкогольъ! Эфиръ летучій!

Ты это, ты! источникъ жизни!

Осмѣлюсь я въ твою стучаться дверь.

Откройся мнѣ ты тайна пеземная!...

(Льетъ жидкость въ черепокъ, оставшійся отъ репорты, отчего немедленно поднимается темное облако пара; когда жъ оно возвысится совсѣмъ, Вернеръ начинаетъ разсматривать составъ, находящійся въ черепкѣ).

Конецъ борьбѣ и духъ преодолялъ!

Вещественность вся быстро улетѣла

Добычей воздуха... и самороденъ, чистъ,

Освобожденъ всего земнаго праха,

Въ пурпуровомъ огнѣ, въ блахоуханьи,

Привѣтствовалъ меня песокъ пурпурный.

Всѣ признаки, все вѣрно оказалось

Какъ быть должно, ни въ чемъ пѣтъ недостатка.

То истинный былъ путь, который я избралъ!

Но что искалъ, то отыскалъ-ли точно?

И изъ свинца то-ль стало, что желалъ?

Тутъ былъ свинецъ и золотомъ онъ сталъ!

(Бросаетъ нѣсколько пурпуровой пыли въ плавильной горшокъ).

Кипитъ, шумитъ, звучитъ, какъ голосъ духа.

(Проворно закрываетъ плавильной горшокъ и обкладываетъ его угольями; потомъ въ сильномъ волненіи возвращается на авансцену).

Все кончено! Дрожатъ мои колѣна,

И каждое во мнѣ биенье сердца

Мнѣ дѣлаетъ вопросъ: удача или нѣтъ?

(Опускается на стулъ и закрываетъ лицо объими руками; Гартнейдъ появляется на верхнихъ ступеняхъ лѣстницы и подслушиваетъ).

IV.

ВЕРНЕРЪ, ГАРТНЕЙДЪ.

ВЕРНЕРЪ *(послѣ нѣкотораго молчанія).*

Прочь, мрачныя, дурныя помышленья!

Я счастье и жизнь всю положилъ;

Я бодрствовалъ, заботился, трудился,

Не долженъ-ли за то имѣть успѣхъ! —

Да, долженъ я!... Теперь стою у цѣли.

Но если не успѣлъ?... Но если все мечта.

Возможно ль.... нѣтъ! я добраго желалъ,

Я приобрѣсть хотѣлъ благословенья.

Не гордость, не корысть къ открытію влекли,

Желаніе мое отъ Бога было!

Такъ прочь теперь, заботы отъ меня!

Сокройся ночь, блистай златое утро!...

(Подходитъ дрожащими шагами къ печи, отгребаетъ уголья, вытаскиваетъ щипцами плавильный горшокъ и открываетъ его крышку).

Остынь скорѣй, прими ты форму,

И докажи достоинство свое,

И честь того, кто произвелъ тебя!

(Выливаетъ расплавленный металлъ на тарелку).

Какъ кровь кипитъ во мнѣ и пульсы бьются!

Оно — или нѣтъ?... О затвердѣй металлъ!

Не заставляй со страхомъ ожидать. —

Сгустился — ну, теперь скорѣй на пробу.

(Наливаетъ въ чашку крѣпкой водки).

О! что то съ нимъ тутъ въ крѣпкой водкѣ будетъ?

(Отрываетъ кусокъ сплавленнаго металла и бросаетъ въ чашку. Молчаніе).

Не растворяется. О! сердце.... удержись!

Попробовать еще осталось испытанье.

(Беретъ другой кусокъ металла, пробуетъ его на оселкѣ, и немного погодя вскрикиваетъ).

Оно, оно!... Я золото досталъ!...

И золото, какъ чище быть не можетъ!

Земля моя! Весь свѣтъ у погъ монахъ!...

Я властелинъ!... и пурпурная пыль

Порфирой мнѣ пурпуровою будетъ

И на главу мою возложитъ лавръ.

О удержиись въ груди, не вырвись сердце!

Не умертви меня ты мой восторгъ!! —

Ликуй теперь — покинутый людьми! —

Не слышу ли шаговъ? — Нѣтъ тихо все.

На таинствѣ одномъ, лежитъ моя вся сила.

(Насыплетъ пурпурной пыли въ золотую коробочку и скрываетъ какъ ее, такъ и приобретенное золото на груди своей).

Покойся тутъ, мнѣ сердце усладяй

И укрощай въ груди его бѣшенъ!

Прочь, вонъ скорѣй!.. хочу бѣжать отсюда,

Меня тѣснить и давить узкой домъ!

Изчезни лампы свѣтъ, свѣтъ солнца озари

Меня лучемъ!... погасни печи жаръ,

Лишь радость пусть мои румянитъ щеки!

Прочь... вонъ скорѣй!.. восторгъ! дай крылья мнѣ!

И унеси, умчи меня отсюда

Въ далекій край, чрезъ выси горъ и холмы!

(Въ продолженіе этого монолога, гаситъ лампу и огонь въ печи. Свѣтъ зари освѣщаетъ сцену. Вернеръ слышитъ выдти, но Гартнейдъ, между тѣмъ тихо спустившійся по лѣстницѣ, заступаетъ ему дорогу).

ГАРТНЕЙДЪ.

Куда же вы?...

ВЕРНЕРЪ *(сильно оттолкнувъ его).*

Назадъ, назадъ, прочь дерзкій! —

Останься здѣсь, мой домъ побереги,

И объ моемъ семействѣ позаботься.

Но если мракъ судьбу мою закроетъ,

То обо мнѣ уелышпшь ты скорѣй,
Чѣмъ на небѣ родится новый мѣсяцъ.

(Вернеръ убѣгаетъ. Гартнейдъ, какъ оцѣпенѣлый, безсмысленно смотритъ ему вслѣдъ, потомъ бѣжитъ къ печи, разсматриваетъ сосуды и въ чашкѣ съ крѣпкою водкою находитъ кусокъ золота, забытый Вернеромъ).

ГАРТНЕЙДЪ (въ отчаяніи).

Что вижу я?... Онь золото досталъ!
Онь добылъ то, надъ чѣмъ трудились оба.
А я глупецъ, я одураченъ имъ!
Обиженъ я, обмануть, передать, продать! —
Но догоню его.... за нимъ, за нимъ!...
(Убѣгаетъ. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ВИЛЛА ВЕРНЕРА, близъ Бсневента.

(Великолѣпно убранная гостпная. Въ среднюю, отворенную дверь открывается видъ на террасу, выходящую въ садъ. Ночь. Блестяще освѣщеніе, множество статуй, картинъ, ковровъ, разныхъ драгоценностей и превосходной мебели, показываютъ расточительную роскошь).

I.

ЛУКА, ВАТИСТЪ и другіе слуги, богато одѣтые, занимаются приведеніемъ въ порядокъ комнаты; потомъ ЛЕЛІО.

ЛУКА.

Ну, хорошо, не хлопайте больше;
Кой-гдѣ еще проглядываетъ ниль,
Но князь ее навѣрно не замѣтитъ;
Ну а гостямъ — объ пей и дѣла нѣтъ,
А намъ и безъ нея довольно дѣла.

ЛЕЛІО (входитъ).

Ну, братцы, тамъ потѣха на дворѣ,
И весь народъ съ борьбою осаждаеть
Большой каскадъ албанскаго вина,
Который бьетъ изъ трубъ неистощимо.
Толчковъ-то тамъ, толчковъ, ударовъ — тьма,
И кружками тамъ кружки разбиваютъ,
Да ужъ хотятъ горшками лучше пить.

ЛУКА.

Весь Беневентъ по горло пьянъ и сытъ,
А знаете-ль, князь отдалъ приказанье,
Чтобъ до утра — вино пзъ трубъ лилось.

БАТИСТЪ.

Что ты, Лука?

ЛУКА.

И- золото народу

Горстями князь велѣлъ въ окошко кидать.

БАТИСТЪ.

Довольно есть его, чтобъ на вѣтеръ бросать.

ДЕЛІО (*бросаясь между тѣмъ въ кресла и въ нихъ преспокойно развалился*).

Однако же, на долго-ли такъ станетъ,
Мы все кутимъ; третьяго дни игра,
Вчера былъ пиръ, сегодня маскарадъ,
А завтра вповь опять игра пачнется...
И все-то такъ, за пиромъ пиръ идетъ,
За праздникомъ, вновь праздникъ настаеть,
Да памъ того не свилось и во снѣ.
Но вотъ бѣда — лишь стоитъ бочкѣ лопнуть,
И золото какъ хватитъ черезъ край:
Богатство все тогда прости, прощай.

БАТИСТЪ.

Перъ Бакко! пѣтъ, памъ это было бъ худо.

ЛУКА.

Ну вотъ еще, вотъ вздоръ еще какой,
Понуда князь, въ той башнѣ запершись,
Въ полночь варитъ тамъ зелья колдовскія
Къ себѣ духовъ сзываетъ, заклиняетъ,
Намъ, вѣрьте, будетъ также хорошо.

БАТИСТЪ.

О, Господи! Помилуй грѣшныхъ насъ.

ЛУКА.

Съ молитвою, мы можемъ быть спокойны.
Но надобно хватать побольше намъ,
И сберегать на черныи день себѣ.

ДЕЛІО.

Но кто идетъ, не гость-ли?

БАТИСТЪ.

Чужестранецъ.

II.

ТЪ ЖЕ, МАРКО ЮВЕЛИРЪ.

ЮВЕЛИРЪ.

Не можно-ли мнѣ съ княземъ говорить?

ЛУКА (коротко).

Онъ за столомъ.

ЮВЕЛИРЪ.

Такъ стало быть пельзя,

Покуда пиръ здѣсь не начнется?...

ЛУКА.

НѢТЬ.

ЮВЕЛИРЪ.

А есть нужда, онъ самъ мнѣ приказалъ.

ЛУКА.

Ну, все равно, придти вамъ можно завтра.

ЮВЕЛИРЪ.

Но мнѣ нельзя, онъ....

БАТИСТЪ.

Тише, вотъ и князь.

III.

ТЪ ЖЕ, ВЕРНЕРЪ, предшествуемый богато одѣтыми пажами, входитъ въ блестящемъ русскомъ одѣяніи, занятый разговоромъ съ купцомъ СПИНОЛОЮ; его сопровождаютъ : БЕРНАРДО, ПОМПЕО, МАРЦЕЛЛО и другіе благородные беневентцы. Служители остаются въ глубинѣ сцены.

КУПЕЦЪ (раскланиваясь).

Прощайте, князь.

ВЕРНЕРЪ (отведя въ сторону купца, на аван-сцену).

Тебѣ сказать мнѣ нужно.

Ты ѣдешь вѣдь во Фландрію чрезъ Кельпъ?

КУПЕЦЪ.

Чрезъ Кельпъ.

ВЕРНЕРЪ.

Нельзя-ль тебѣ отдать опять

Мое письмо тамъ Генриху Гартнейду,
И серебромъ ему же двѣсти марокъ?

КУПЕЦЪ.

Согласенъ я, охотно ихъ отдамъ.

ВЕРНЕРЪ (*отдавая ему нѣсколько бумагъ*).

И такъ возьми — вотъ вексель, повѣрѣнїи
 Доставъ къ нему и деньги и письмо,
 Но только, чтобъ источникъ подающа
 Былъ тайною для всѣхъ и для него.
 О томъ прошу.

КУПЕЦЪ.

Надѣйтесь, князь:

Исправлю все, и такъ, какъ въ прошлый разъ
 Передавалъ ему я милость вашу.

ВЕРНЕРЪ.

Онъ стоитъ милости, но все не долженъ знать
 Откуда къ нему щедроты льются;
 Еще прошу — быть скрытымъ и молчать....
 И вотъ кольцо въ задатокъ награжденья,
 Возьми за трудъ.

КУПЕЦЪ.

Вы милостивы такъ!

ВЕРНЕРЪ.

Когда же здѣсь останешься сегодня,
 То гостемъ будь.

КУПЕЦЪ.

Сегодня жъ ѣду я.

ВЕРНЕРЪ.

Ну, такъ прощай.

(купецъ уходитъ).

Я ловко поступилъ,

Я тѣмъ себя избавилъ подозрѣнїи,
 Мои слѣды отъ Гартнейда я скрылъ.

(замытивъ ювелира)

А, Марко, здѣсь! Сдержалъ свое ты слово?

Что жъ медлишь, покажи сокровища свои.

ЮВЕЛИРЪ (*подавая Вернеру ящичекъ*).

Альтецца, вотъ — взгляните и дивитесь!

Для королевы тутъ, альтецца, есть уборъ.

Какая въ немъ игра, вода, оправа!

Хоть преклонить колѣна передъ нимъ.

ВЕРНЕРЪ (*разсматривая ожерелье*).

Прекрасно! да.... уборъ чудесный!... Право,

Лукреція довольна будетъ имъ;
 Какъ будетъ опъ на шейкѣ пѣжной, бѣлой
 Красавицы хорошъ! — И такъ, онъ мой.
 Что жъ стоитъ онъ?

ЮВЕЛИРЪ.

Лишь двадцать тысячь скудн,
 Не болѣе, цѣна не велика.
 Его купить хотѣлъ Тарентской герцогъ,
 Но все цѣна казалась высока.
 Нѣтъ, думалъ я, альтецца вѣрно купить,
 Когда уборъ не дорогъ для него.

ВЕРНЕРЪ.

Какъ, дорогъ? мнѣ? — Мнѣ дорогъ твой уборъ?
 Да герцогъ твой — передо мною пищій!
 Ничтожно предо мной достоинство вещей,
 Смотрю на то, что только мнѣ пріятно,
 А до цѣны мнѣ дѣла нѣтъ. — Онъ мой,
 И маршалъ мой всѣ двадцать тысячь скудн,
 И тысячу еще, вемедленно отдасть.
 Ступай къ нему и деньги получай.

ЮВЕЛИРЪ.

Благодарю, альтецца! (*уходитъ*).

ВЕРНЕРЪ (*обращаясь къ сопровождающимъ его*).

Ну, полюбуйтесь покупкою моей,
 Что за игра, и что за блескъ камней;
 Но можетъ-ли Лукреціи прекрасной
 Достойно онъ собой украситъ грудь?

БЕРНАРДО (*разсматривая камни*).

О, можетъ.... какъ чудесно....

ПОМПЕО.

Превосходно.

МАРЦЕЛЛО

У всѣхъ въ умѣ достоинство того,
 Кто имъ дарить, и той, кому дарится.

ВЕРНЕРЪ.

Но вотъ и гости всѣ. Подайте маски намъ.

(*слуги исполняютъ приказаніе*)

Нашъ праздникъ начался, извѣстно было бѣ вамъ.
 Шуми, ликуй здѣсь радость, восхищенье!
 Теки для всѣхъ источникъ наслажденья!
 Чтобъ погрузясь — могли на днѣ его

Мы прохладять огонь своихъ желаній
 И повизной блаженства своего,
 И новостью забавъ и всѣхъ очарованій!
 Веселье пусть — веселью вслѣдъ идетъ;
 Какъ будто дождь за каплей каплю льетъ.

IV.

ТЪ ЖЕ, МНОГІЯ МАСКИ, между ними ДІАНА, съ лукомъ и стрѣлами
 въ рукѣ и луною на головѣ; ПЛУТУСЪ, завернутый въ пурпуровую мап-
 тю, съ короною на головѣ, въ одной его рукѣ кошелекъ, въ другой
 — скипетръ; сѣрый ПИЛИГРИМЪ, съ посохомъ въ рукѣ. Вернеръ идетъ
 къ нимъ на встрѣчу.

ДІАНА (*Вернеру*).

Прими привѣтъ и поздравленье,
 Любимецъ счастья и боговъ!
 Пришла искать здѣсь развлечения
 Богиня гордая лѣсовъ.
 Чуждаясь всѣхъ, пришла робѣя,
 Опа на твой веселый ширъ;
 И подступитъ къ тебѣ не смѣя,
 Богатствъ и роскоши кумпръ!
 Но скоро стала веселѣе:
 Въ лучахъ безчисленныхъ огней,
 Твой домъ Олимпъ напомнилъ ей.

ВЕРНЕРЪ.

Благодарю тебя за посѣщенье;
 Я удивленъ имъ, восхищенъ!
 И я бѣ поцѣловалъ тебя отъ восхищенья,
 Когда бѣ я былъ Эндиміонъ.

Но я не онъ.

И ты не будь Діаной,
 Хоть столько жъ строгою, но лучше будь Альбаной.

АЛЬБАНА (*снимая маску*).

Вы отгадали, князь.

МАРЦЕЛЛО (*тихо Бернаруду*).

До строгости дошелъ;

Нашъ Крезъ вообразилъ, что въ глазъ меня кололъ.

БЕРНАРДО (*тихо Марцеллу*).

Діана промаха дала большаго,

Желая застрѣлить фазана золотого.

ВЕРНЕРЪ.

Кто ты — въ вѣщѣ, съ величіемъ такимъ,
Жезломъ блистаешь золотымъ,
Какого ты властитель царства?
Скажи, кто ты?

ПЛУТУСЪ.

Я Плутусъ, богъ богатства.

Но мнѣ объ немъ однѣ остались мечты,
Я доведенъ до нищеты!

Что было, отдалъ вамъ, и даже сапъ мой важный,
И потому мой кошелекъ

Ужасно сталъ легокъ! *(показываетъ его)*.

И будь мой скиптръ не просто жезлъ бумажный,
То я бъ его давно на части изломалъ.

Отдайте, безъ чего вамъ обойтись можно!

Я все могущество вамъ здалъ неосторожно,

И самъ богатства богъ — бѣднякъ предъ вами сталъ.

ВЕРНЕРЪ.

Ну, маску прочь, я Муціо узналъ.

МУЦІО.

Вотъ что осталось, взгляните-ка вы сами.

(показываетъ пустой кошелекъ.)

ВЕРНЕРЪ.

Да, надо съ Плутусомъ раздѣляться долгамъ!

Мой маршалъ все отдастъ; отправался съ кошелькомъ

Къ нему за деньгамъ своимъ,

И пусть онъ счетъ въ трубѣ запишетъ уголькомъ.

МУЦІО.

Сію минуту я отправлюся за нимъ.

Ужъ надобно сказать,

Что шутку вы всегда умѣете повяты.

(Уходитъ).

ВЕРНЕРЪ.

Но ты, въ одеждѣ пилигрима,

Куда, откуда ты идешь?

Быть можетъ, шествуешь отъ стѣнъ Іерусалма?

ПИЛГРИМЪ.

Откуда я, сейчасъ ты самъ поймешь;

Куда? — еще я самъ не знаю.

Но близко, кажется, отъ цѣли я моей.

ВЕРНЕРЪ.

Знакомый звукъ рѣчей!

Ты здѣшній или нѣтъ? Скажи — я знать желаю.

Желаніе-жъ твое я знаю папередъ.

МАРЦЕЛЛО.

Лукреція идетъ.

—

V.

ТѢ ЖЕ, ДОННА ЛУКРЕЦІЯ, ДОНЪ МАНУЭЛЬ ведетъ ее; при появленіи ихъ на сцену, немедленно ихъ окружаетъ толпа разнородныхъ масокъ. Вернеръ спѣшитъ Лукреціи на встрѣчу. Пилигримъ отходитъ.

ВЕРНЕРЪ (*про себя*)

Она! — И взглядъ ся мнѣ счастье общаетъ!

(*Лукреціи*)

Привѣтствую тебя, царица красоты!

Какъ пчель влекутъ къ себѣ душистые цвѣты,

Такъ прелести твои — всѣ взоры поглощаютъ!

Цвѣтъ утрепей зари играетъ на щекахъ,

И солнца лучъ блеститъ въ твоихъ глазахъ!

Передъ тобой идетъ — восторгъ и ожиданье,

А за тобою вслѣдъ — любви твоей желанье!

ЛУКРЕЦІЯ.

Но истинная страсть нѣма, не говоритъ;

А ваша страсть — слова лишь расточетъ.

ВЕРНЕРЪ.

Надежда — дверь молчанья растворяетъ,

Когда любовь молчитъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Надежда васъ избаловала:

Но не надѣйтесь много вы.

ВЕРНЕРЪ.

Одной надежды слишкомъ мало,

Коль я отъ васъ безъ головы!

ЛУКРЕЦІЯ.

Вы, князь, играете словами.

ВЕРНЕРЪ.

А вы — сердцами.

Позвольте предложить мнѣ этотъ вамъ уборъ,

Пусть онъ покоится на шейкѣ бѣлоснѣжной,

Пусть отразитъ онъ вашъ блестящій взоръ!
И пусть украсится отъ вашей груди пѣждой.
(Надѣваетъ ей на шею алмазное ожерелье).

плагримъ (про себя).

Ряхнулся онъ, пль въ немъ горячки жаръ?
Какой подарокъ тороватой!

ЛУКРЕЦІЯ.

Какой богатый даръ!

ВЕРНЕРЪ.

Бѣднѣйшій даръ для прелести богатой!

АЛЬБАНА (вполголоса дамъ, подлѣ нея стоящей).

Взгляните, какъ она отъ счастья своего

Некстати вдругъ надмѣнна стала!

МАПУЭЛЬ (Вернеру, который въ это время говорилъ тихо съ Лукреціею).

О подарѣ мнѣ мнѣ вниманья твоего!

Мнѣ выразить вполнѣ словами было бъ мало

Долгъ благодарности моей,

За все твоемъ благодѣнья!

Ты прекратилъ весь рядъ печальныхъ дней,

Ты счастье мнѣ далъ превыше ожиданья.

Моей нужды оковы все разбилъ,

И что я потерялъ, ты все мнѣ возвратилъ.

ВЕРНЕРЪ.

Тебѣ казалось невозможно;

Но слово данное я въ точности сдержалъ:

Твой гордый врагъ, но предо мной ничтожный,

При всемъ могуществѣ съ вершины счастья палъ!

Онъ самъ несетъ твой страданья,

И осужденъ на вѣчное изгнанье.

ЛУКРЕЦІЯ (про себя).

Проклятый! — Онъ его похитилъ у меня!

И свой еще поступокъ выхваляетъ,

И благосклонности, любви моей желаетъ!

МАПУЭЛЬ.

И съ самаго того же дня,

И мѣсто занялъ я

Врага, что сосланъ въ заточенье,

И герцога послѣднее сомнѣнье

Исчезло навсегда отъ слова твоего.

ВЕРНЕРЪ.

И ты замѣть, отъ одного лишь слова.

МАПУЭЛЬ.

Ты возвратилъ мнѣ вновь довѣренность его;
Почтенье, милость, власть меня вѣщаютъ снова.

Все превзошло мои мечты!

ВЕРНЕРЪ (съ сильною надмѣнностію).

Меня благодари за то, что счастливъ ты!

Лишь я сказалъ — тебѣ дни ясные настали,

Мигнулъ — враги твои пропали.

Творецъ далъ жизнь тебѣ, — а я — я счастье далъ;

Я твой защитникъ, покровитель,

Твоя судьба, твой избавитель!

Ты безгранично мнѣ навѣкъ обязанъ сталъ.

Тебѣ за все — мнѣ вѣримъ быть осталось,

И мнѣ служить не измѣня;

Хотя-бъ земля поколебалась —

Держися крѣпче за меня!

И что-бъ тебѣ ни говорили —

Не забывай ты никогда:

Что тотъ же, кто тебя возвысить могъ изъ пыли,

И свергнуть можетъ навсегда.

МАПУЭЛЬ.

Обязанности я моей не позабуду,

Повѣрьте въ этомъ, князь.

(Про себя).

О, стыдъ, позоръ! — Меня онъ топчетъ въ грязь!

И долго-ль я свосить его обиды буду?

(За сценою слышенъ звукъ трубъ).

ВЕРНЕРЪ.

Что значить трубный звукъ? кто ѣдетъ?

МАРЦЕЛЛО.

Герцогъ самъ

На дворъ въѣзжаетъ къ вамъ.

МАПУЭЛЬ.

У насъ здѣсь есть обыкновенье,

Что герцога встрѣчаютъ у воротъ,

Когда онъ гостемъ въ домъ идетъ.

ВЕРНЕРЪ.

Я окажу ему, какъ гостю, уваженье:

Повѣрьте, буду я принять его умѣть.

Но истинный мой долгъ всегда благоговѣть

Лишь предъ своимъ царемъ, предъ православнымъ.

Я обойдусь и здѣсь, не такъ, какъ равный съ равнымъ,

Обычай выполняю родной моей страны,
И гостю поднесу подарки дорогие.

(Молчаніе. Вернеръ обращается къ Лукреціи).

Зачѣмъ же взоры огневые

Не на меня устремлены?!

О, брось ихъ на меня, не дай мнѣ ихъ лишиться!

ЛУКРЕЦІЯ.

Любимецъ счастья лишенія боится.

ВЕРНЕРЪ.

Я счастьемъ другимъ совѣмъ не дорожу;

Съ одной любовію мнѣ счастливымъ быть можно!...

ЛУКРЕЦІЯ.

Не продолжайте, князь.

ВЕРНЕРЪ.

Молчанье невозможно,

Когда въ твоихъ глазахъ я небо нахожу!

VI.

ТЪ ЖЕ; ГЕРЦОГЪ ВЕНЕВЕНТСКІЙ и свита его.

ГЕРЦОГЪ (входя, одному изъ свиты).

Да, все, что вижу я, превыше ожиданья;
Превыше всей молвы: нельзя богаче быть.

Какъ будто это все одно очарованье,
И только русскому возможно такъ прожить.

ВЕРНЕРЪ (встрѣчая Герцога).

Мой герцогъ! — Мнѣ....

ГЕРЦОГЪ (перебивъ).

Князь! Герцогъ Беневента,

Остался тамъ, за воротами дома.

Позвольте мнѣ здѣсь гостемъ только быть

И дружескій привѣтъ вамъ изъяснить.

ВЕРНЕРЪ.

Привѣтствую я васъ, какъ Герцога и гостя,

Добро пожаловать вамъ въ мой убогой домъ;

И васъ прошу я по обряду дѣдовъ,

Дозволить мнѣ пожатіе руки.

Обычай страхъ сѣверныхъ суровы,

За то всегда отъ сердца и души.

Другое есть еще обыкновение

Дарить своихъ почетнѣйшихъ гостей,
 Чтобъ было имъ гостить у насъ пріятнѣй,
 И потому позвольте предложить
 Для васъ достойный даръ....

ГЕРЦОГЪ.

Я для себя подарка не возьму,
 Но если Беневентъ имѣть въ немъ будетъ пользу,
 То даромъ вашимъ я не долженъ пренебречь
 И съ удовольствіемъ его я принимаю.

*(По знаку Вернера, два пажа подносятъ на бархатныхъ подуш-
 кахъ пергаменты, съ вислицами печатями).*

ВЕРНЕРЪ *(взявъ одинъ пергаментъ).*

Прошу принять пергаментъ отъ меня,
 На вѣчность въ немъ подарокъ для несчастныхъ,
 Сыновъ заботъ, страданья, нищеты,
 Сиротъ и вдовъ безъ пропитанья. —
 Желая я — больницу основать,
 Чтобъ въ ней недугъ — пашель бы изцѣленье;
 Несчастье, бѣдность — облегченье;
 Старикъ — приютъ, до смертнаго часа.
 Примите же, во имя всѣхъ скорбящихъ,
 Вы этотъ даръ полезный отъ меня;
 И ускорить прошу васъ исполненье.

(Подаетъ Герцогу одинъ пергаментъ и беретъ другой).

А этотъ листъ, второй подарокъ мой:
 И онъ кладетъ у васъ основной камень
 Училищу, для высшихъ всѣхъ наукъ,
 По образцу и по примѣру школъ,
 Что въ Павіи, въ Болоньи процвѣтають;
 Оно должно всѣхъ знаній и искусствъ
 Произвести зародышъ въ Беневентѣ,
 Потомъ дать листъ, потомъ душистый цвѣтъ.
 Когда жъ оно изъ слабой, гибкой вѣтви
 Съ годами перейдетъ въ надежный крѣпкій стволъ,
 И плодъ его потомковъ просвѣтитъ,
 То обо мнѣ припомнитъ Беневентъ,
 Что я его былъ только насадитель,
 Властитель же — былъ мудрый покровитель!

ГЕРЦОГЪ.

Я васъ благодарю, вы то предупредили,
 Что ужъ давно въ груди томилось моей;
 Вы мысль мою — нежданно оживили.

Отд. II.

Еще благодарю; возьмите, Мануэль.

(Отдаетъ пергаменты Мануэлю).

ПИЛГРИМЪ *(въ полголоса, въ сильномъ волненіи).*

Мильоны онъ бросаетъ! — Пламя ада!...

ПОМПЕО *(стоящій недалеко, Марцеллу).*

Что пилгримъ сказалъ?

ПИЛГРИМЪ *(также).*

И золото свое,

Все золото, онъ въ море погружаетъ,

И па вѣтеръ его кидаетъ онъ!

ВЕРНЕРЪ *(между тѣмъ тихо говорившій съ Лукреціею).*

Часы летятъ, и всѣхъ мопхъ гостей

Теперь прошу свою отбросить важность,

Въ душѣ одну веселость оживить! —

Намъ надобно изъ полной чаши пить!!

На торжествѣ приличпо упоевье —

Послушайте совѣта моего:

Растеть и цвѣтъ, и плодъ на дровѣ жизни нашей,

Такъ рвите же все отрасли его.

Долой узду съ малѣйшей воли вашей!

Пусть кубокъ въ кругъ идетъ, и кости пусть стучать,

И звуки музыки пусть воздухъ огласятъ.—

Прекрасныя! Для танцевъ все готово,

Лукреція! ты прѣ украсишь снова!

О, эльфа! Ты должна собой очаровать,

О, поспѣши намъ крылья показать! —

(За сценою слышна танцевальная музыка. Вернеръ съ Лукреціею скоро уходятъ. Гости, тѣснясь около него при послѣднихъ словахъ, спѣшатъ за нимъ пестрою толпою).

БЕРНАРДО,

Начнемъ съ костей.

ПОМПЕО.

Съ фалернскаго начнемъ.

МАРЦЕЛЛО *(ведя за руку Альбану).*

Позвольте, господа.

ДРУГІЕ ГОЛОСА.

Спѣшите танцовать.

VII.

(Сцена мало по малу пустѣетъ. На переднемъ планѣ стоитъ **ГЕРЦОГЪ**, погруженный въ глубокую задумчивость, не замѣчая оставшагося **МАНУЭЛЯ**. За сценою музыка. На террасѣ и въ саду по временамъ появляются маски, которыя опять исчезаютъ, между ними **ПИЛИГРИМЪ**).

ГЕРЦОГЪ.

Что жъ это все?! За новымъ божествомъ
Теперь бѣжить, сѣшить народъ веселый,
Чтобъ преклонить колѣна предъ нимъ.
А онъ, гордецъ, считаетъ это долгомъ;
Считаетъ, что нельзя иначе поступать;
Что въ золотѣ одномъ лишь только власть,
Но позабылъ, что власти есть превыше,
Отъ Бога данный! онъ позабылъ,
Что только эта власть въ страѣ святѣй всего —
И надобно его раскаяться заставить.

(Пилигримъ показывается на террасѣ).

МАНУЭЛЬ *(приблизясь къ Герцогу)*.

Мой герцогъ! Я....

ГЕРЦОГЪ *(перебивъ его)*.

Вы-ль это, Мануэль?

Вы не пошли въ толпѣ за новымъ солнцемъ,
Которое льетъ блескъ на Беневентъ?

МАНУЭЛЬ.

Нѣтъ, герцогъ нашъ! Ты солнце Беневента,
Передъ тобой исчезнетъ почъ и мракъ
Къ намъ въ Беневентъ притекшаго свѣтила.

ГЕРЦОГЪ *(удивясь)*.

Ты Мануэль.... ты-ль это говоришь?
Не ты ли всѣмъ Борнсову обязавъ,
Не на тебя-ль онъ взглядъ мой обратилъ,
И освѣтилъ твой мракъ печальной жизни?
И ты ему желаешь повредить?

МАНУЭЛЬ.

Я знаю то, что я предъ нимъ въ долгу,
И назвалъ бы себя его творецемъ,
Его бы сталъ весь вѣкъ благодарить,
Когда бы онъ своихъ благодарнѣй
Не помрачилъ — надменностью своей,
И гордость я могу-ль его сносить?
Коль — даже вамъ, онъ отказалъ въ почтеннѣ,

Вамъ, герцогу, властителю страны.—
 Пришлецъ, сюда къ намъ вѣтромъ занесенный!
 И онъ не то — чѣмъ кажется для всѣхъ.

ГЕРЦОГЪ.

Какъ, Мануэль?

МАНУЭЛЬ.

Сказалъ ужъ я довольно,
 И пояснить могу вамъ остальнымъ;
 Послушайте, что намъ сказалъ объ немъ,
 Здѣсь московитъ проѣзжій, благородный,
 Который былъ недолго въ Беневентѣ;—
 Когда узналъ, что князь Борисовъ здѣсь
 Въ большой чести, имѣетъ важный санъ
 И славится богатствомъ въ Московіи,
 То русской нашъ....

ГЕРЦОГЪ.

Что жъ онъ объ немъ сказалъ?

МАНУЭЛЬ.

Что обманулъ онъ даже васъ самихъ
 И что отъ Каспія до моря Ледянаго
 Князей Борисовыхъ советѣмъ въ Россіи нѣтъ.

ГЕРЦОГЪ.

Но земли всѣ, владѣнія его?...

МАНУЭЛЬ.

Онъ говоритъ все то же про него:
 Онъ скорѣй въ луаѣ, а только не въ Россіи.

ГЕРЦОГЪ.

Не вѣрю я.... нѣтъ.... нѣтъ.... не можетъ быть!

И ключъ какой ему доставить можетъ
 Такое множество безчисленныхъ богатствъ,
 Такой потокъ сокровищъ несравненныхъ,
 И океанъ для роскоши его?

Откуда бы могъ быть такой источникъ,
 Что, не смотря на мотовство его,
 Онъ льется все, какъ будто возвращаясь.
 Но объ Борисовѣ что слышалъ ты еще?

МАНУЭЛЬ.

О! на него большія подозрѣнія.
 Чернь думаетъ о немъ — что будто запятъ
 Ужъ съ давнихъ поръ онъ черною наукой,
 И что въ связи съ нечистой силой онъ.
 Что завершись, всегда въ одной изъ башенъ,

Онъ водится съ духами по ночамъ,
И самъ варить тамъ зелье колдовское,
И дымъ съ огнемъ несется изъ трубы.
И ежели не лгутъ объ немъ всѣ эти слухи,
То онъ быть долженъ страшный чародѣй.

ГЕРЦОГЪ.

Ну, хорошо, что только про богатство
Доносятъ намъ рассказы всѣ объ немъ ;
А мы дивясь, испытываемъ правду.
Что этотъ человекъ съ волшебной силой
Намъ кажется — вселенной граждавиномъ;—
О! кто бы могъ пократь съ него сорвать,
И уличить; и кто бы принялъ смѣлость
Пересказать, нисколько не тая,
Всю истину, кто бъ могъ рѣшиться....

пѢЛИГРИМЪ (быстро приблизясь).

Я! —

МАНУЭЛЬ.

О, дерскій! Ты намъ живдью своею
Поплатишься за то, что ты подслушалъ насъ!

ГЕРЦОГЪ.

Оставь его. Откройся мнѣ, кто ты?

пѢЛИГРИМЪ. (снимая маску).

По имени зовусь я Генрихъ Гартнейдъ;
На Рейнѣ родился я въ Кёльнѣ,
Отъ бѣдняковъ, и выросъ въ школѣ нуждъ.
И съ той поры, отъ юношескихъ дней,
Разсудокъ мой все къ прибыли стремился,
И я во всемъ отказывалъ себѣ;
Едва не до сѣдыхъ волосъ добился,
Пока успѣлъ скопить денжонокъ я.
Какъ вдругъ узналъ, что есть многоученый,
Высокоумный мужъ и химикъ Вернеръ Гольмъ,
И астрономъ, и даже херомантикъ;
Что сверхъ другихъ позваній и наукъ
Онъ занялся еще наукой солнца.

МАНУЭЛЬ.

Наукой солнца?

ГАРТНЕЙДЪ.

Да, мы такъ зовемъ
Искусство черезъ смѣсь, броженье, разложение,
Презрительный металлъ преобразать

Вдругъ въ золото.

ГЕРЦОГЪ.

Ахъ, что ты говоришь?

ГАРТНЕЙДЪ.

И поступилъ я къ Вернеру служить,
Уговорясь, чтобъ отъ меня не скрылъ
Онъ тайный смыслъ таинственной науки,
И знаніе со мною раздѣлилъ.
И онъ на все со мною согласился.
Кляпуюсь вамъ, что славно я служилъ,
И деньгами ссужалъ его не рѣдко;
И честно жилъ три года цѣлыхъ съ нимъ.
Однажды онъ, ужъ близокъ бывши къ цѣли,
Меня усмалъ, чтобъ сдѣлать одному
Послѣдній шагъ; его онъ точно сдѣлалъ.
Я, возвратясь, хотѣлъ остановитъ
Его, но онъ какъ бѣшенный умчался.

ГЕРЦОГЪ.

Ну что жъ потомъ? Окончи поскорѣй!

ГАРТНЕЙДЪ.

Ну, а потомъ, за посохъ я взялся,
И по слѣдамъ предателя пошелъ,
На горы я ужасныя взлѣзалъ,
Перешивалъ огромнѣйшія рѣки,
И наконецъ я, съ Альповъ опустясь,
Здѣсь, герцогъ мой, я здѣсь нашелъ его.
Здѣсь во дворцѣ, украшенномъ богато;
По княжески кутя, онъ княземъ и живетъ.
Да, это онъ.... мой герцогъ.... онъ.... тотъ самый,
Что такъ меня безстыдно обманулъ,
Алхимикъ онъ, мой мейстеръ — Вернеръ Гольмъ.
Къ стопамъ твоимъ съ мольбою повергаюсь.

(Бросается къ ногамъ Герцога).

О, помрачи ты ясный блескъ его!
И мнѣ отдай, что отнял онъ коварствомъ,
Пускай въ тюрьму онъ будетъ заключенъ,
И будемъ мы наслѣдниками званья.

ГЕРЦОГЪ *(Гартнейду, ползающему у
ногъ его).*

Встань.... встань. Давно я думалъ ужъ о томъ.
Онъ золото творить изъ низкаго металла!
Такъ были то не сказки, не мечты?

МАНУЭЛЬ.

Свидѣтельство — служителя его,
Притомъ потокъ его богатствъ несмѣтныхъ,
Уничтожаютъ всѣ сомнѣнья....

ГЕРЦОГЪ (*отведя въ сторону Мануэля*).

Что выбрать мнѣ? На что теперь рѣшиться?

МАНУЭЛЬ.

Доносчикъ здѣсь стоитъ передъ тобой;
Вывонный подлежитъ законному рѣшенью.
А вмѣстѣ съ нимъ сокровища его.

ГЕРЦОГЪ.

Такъ твой совѣтъ, чтобъ силой....

МАНУЭЛЬ.

Государь,

О правдѣ тутъ, не о насильствѣ рѣчь;
Да и оно — все было бѣ справедливо,
Взять Вернера нельзя безъ сильныхъ мѣръ.
Онъ приобрѣлъ насильствомъ все, и должно
Исторгнуть все насильствомъ у него.
Да и притомъ, какое оскорбленье,
Арестовавъ, ему мы нанесемъ?

И жизнью онъ можетъ наслаждаться,
Но лишь съ одной свободой распрощаться.

ГАРТНЕЙДЪ (*приблизясь*).

А право - то мое, прошу васъ, защитите!

МАНУЭЛЬ.

Обдѣлаемъ мы, герцогъ, тихо все,
Лукреція, его поймаешь въ сѣти.

ГЕРЦОГЪ.

Лукреція! но онъ влюбленъ въ нее,
И самъ любимъ....

МАНУЭЛЬ.

Она его не любитъ,

Тщеславится любовью его,
Подарками себя обогащаетъ,
И ошмѣямъ восторговъ принимаетъ,
Въ груди жъ ея нѣтъ чувства для него,
И все еще какое то упрямство
Ее влечетъ къ Фернанду до сихъ поръ,
Котораго отсюда ты изгналъ.
Прямакою ты брось ей обѣщанье,
Что ты его воротить, и она

Въ рукахъ у насъ, п сонный порошокъ
Подсыплется ему во время разговора.

ГАРТНЕЙДЪ (умоляя).

Но защитить прошу мое я право васъ!

ГЕРЦОГЪ (Мануэлю).

Все между да... и нѣтъ колеблется душа!
Сомнительнымъ мнѣ кажется, что выбралъ.

И на тебя хотѣлъ бы, Мануэль,
Я возложить теперь рѣшенье дѣла;
На, вотъ возьми кольцо мое съ печатью,
И вмѣстѣ съ нимъ тебѣ дается власть,
Или начать, или оставить дѣло,
Или сковать, или освободить.

Ступай сейчасъ, и вѣрностью своею
Вознагради довѣренность мою.

Но долженъ я на праздникъ показаться.

(Гартнейду).

Что жъ до тебя, то ты поговори
О дѣлѣ здѣсь, вотъ съ этимъ господиномъ,
И право онъ твое навѣрно защититъ. (Уходитъ).

МАНУЭЛЬ (про себя).

Онъ наступилъ ногою мнѣ на шею,
Его пята меня втоптала въ прахъ!
Но я отищу за мой позоръ — позоромъ,
Его въ тюрьму я, въ башню посажу,
И буду жить — съ источникомъ богатства,
И буду жить — съ могуществомъ его.

ГАРТНЕЙДЪ.

Лишь только моему вы праву помогите,
Мой господинъ, повелѣвайте мной,
И я готовъ на всякую вамъ службу,
Но право-то, прошу васъ, защитить.

МАНУЭЛЬ.

Спокоенъ будь, мы защитимъ его,
И точно такъ, какъ собственное право;
За твой совѣтъ тебя благодаримъ,
За вѣрность ту, достойно наградимъ,
Которая показываетъ намъ
Не просто цѣль, — даетъ намъ даже средства.
Но должно намъ не медля разойтись,
Чтобъ не подать малѣйшихъ подозрѣній,

И въ коридорѣ я увижуся съ тобой.
Прощай.

ГАРТНЕЙДЪ (кланяясь).

Прощайте, мой высокій господинъ! (*Мануэль уходитъ*).

Ну, провались, ты лстивый негодяй!

Меня еще онъ хочетъ наградить!

И думаетъ, что тайну я открою,

Что сдѣлаю его богатымъ я;

Что Вернеръ самъ, предъ вами обвиненный,

Обязанъ милости у гордости просить;

Вы думаете такъ, а я иначе:

Вы — мертвое орудіе мое,

И вы должны меня съ виновнымъ свести,

Клещами быть въ орудьяхъ страшной пытки,

Кинжаломъ быть, которымъ заколю,

Чтобъ вымучить сокровище познавій!

Въ томъ не должны участья вы имѣть.

Не надо двухъ. Когда мое богатство

Я получу, сей-часъ-же и зарю.

И буду звать одинъ, — но тише — кто идетъ?

(*Надѣваетъ маску и отходитъ къ сторонѣ*).

VIII.

ГАРТНЕЙДЪ, ПОМПЕО, БЕРНАРДО И МАРЦЕЛЛО.

ПОМПЕО.

Ты выигралъ?

БЕРНАРДО.

Три тысячи пятьсотъ.

ПОМПЕО.

Да расскажи мнѣ, какъ?

БЕРНАРДО.

Почти во снѣ.

Нашъ князь сидѣлъ подлѣ стола съ игрою,

Но былъ въ мечтахъ, ужасно развлечень,

Впивалъ въ себя Лукреціи онъ взоры,

Не обращалъ вниманья на игру;

А кости я бросалъ порою такъ,

Что помогалъ я счастію слѣпому,

И также съ нимъ Марцелло поступалъ.

И удалось.

МАРЦЕЛЛО.

Раздѣлимъ же скорѣе
Мы выигрышь; открой свой кошелекъ.

БЕРНАРДО.

Вотъ онъ. Держи.

(Онъ наполняетъ кошелки Марцелло и Помпео, нѣсколько золотыхъ монетъ падаютъ на полъ).

МАРЦЕЛЛО.

Упали?

БЕРНАРДО.

Пусть лежать.

ПОМПЕО.

Пойдемъ играть опять, и можетъ быть
Намъ вновь еще удачнѣй будетъ ловля. *(Уходятъ).*

ГАРТНЕЙДЪ.

Вотъ золото, вотъ золото мое!

По горло въ немъ зарылся они!

Оно мое!... Хотя и половинна!

Оно мое!... Цѣна моихъ трудовъ!

И тутъ лежитъ, оставленное ими.

(Тщательно собираетъ золотыя монеты).

Я собралъ все!... всѣ штучки собралъ я...

И край па край я вѣрно уложилъ,

Когда бы все собрать змеяными глазами.

По праздникамъ, когда работы нѣтъ,

Когда идуть на разныя веселья,

Я заперся бѣ, открылъ бы свой сундукъ,

Съ волненіемъ я все бѣ пересчиталъ,

Игралъ бы тутъ блестящимъ я металломъ,

Смотрѣлся бы я въ зеркалъ его,

Я бѣ насаказалъ любезностей пріятныхъ,

И передъ нимъ колѣна бѣ преклонилъ,

Молился бѣ на него! — А опъ глупецъ! —

Бросаетъ на вѣтеръ свои миліоны.

Будь проклятъ онъ! Будь проклятъ!... Вотъ и онъ

Сюда плетъ... опъ самъ... припрячусь я.

(Надѣваетъ маску и становится за статую).

XI.

ГАРТНЕЙДЪ; ЛУКРЕЦІЯ, входитъ очень скоро; ВЕРНЕРЪ, въ сильномъ волненіи спѣшитъ за нею.

ВЕРНЕРЪ.

Что ты бѣжишь, къ чему всё затрудненья?

Я дольше не могу сносить сомнѣнья,

Все, что живетъ, обязано любить!

Не хочешь ты одна любви покорной быть.

ЛУКРЕЦІЯ.

О нѣтъ, любви я знаю ощущенья,

Надежды и мечты,

И слезы, и огонь....

ВЕРНЕРЪ.

Но покраснѣла ты?

И даже самый видъ твой больше не скрываетъ,

Чего сама не хочешь говорить;

Но для чего жъ таить,

Что всё черты, что взоръ твой выражаетъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

Не вѣрьте мнѣ, они обмануть васъ.

ВЕРНЕРЪ.

Не опускай своихъ прекрасныхъ глазъ!

Взгляни ты на меня, но только не сурово!...

Не удаляй меня ты отъ себя;

Ты съ утренней зарей домой вернешься снова,

Позволь быть въ виллѣ у тебя!

Не откажи ты счастье мнѣ доставить,

Могу-ль надеждою шаги къ тебѣ направить?

Скажи... могу-ль? — Скажи... что я могу!

ЛУКРЕЦІЯ.

Ахъ, нѣтъ... мнѣ невозможно!

ВЕРНЕРЪ.

Ну пусть молчатъ уста, когда ты осторожна.

Но взоромъ мнѣ скажи, дай знакъ какой нибудь!

Вотъ роза бѣлая твою ласкаетъ грудь,

Отдай ее, когда притти мнѣ можно.

Луcreция! отдай!...

(Короткое молчаніе; Луcreция внезапно обращается къ Вернеру, покраснѣвъ отдаетъ ему розу и скоро уходитъ).

ВЕРНЕРЪ *(виль себя).*

Опа теперь моя!...

И впереди блеснуть блаженства мнѣ картина!

Всѣмъ счастьемъ земнымъ одинъ владѣю я!!..

(Спѣшитъ за Лукрецію).

ГАРТНЕЙДЪ (выбѣжавъ впередъ).

Ты лжешь, ты лжешь... мнѣ въ счастья половина!

Да... половина тутъ моя!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ВИЛЛА ЛУКРЕЦІИ, близъ Беневента.

(Роскошно убранная комната, освѣщенная канделябрами; двери въ серединѣ, и одна съ лѣвой стороны отъ зрителя, а съ правой окно. На первомъ планѣ великолѣпный оттоманъ).

I.

ВЕРНЕРЪ И ЛУКРЕЦІЯ (сидятъ на оттоманѣ, передъ ними на столикѣ плоды и питье). **ВЕРНЕРЪ** (съ живостию прижимая къ сердцу своему руку Лукреціи).

Какъ ты мила!... И какъ прекрасна ты!...

Какъ на щекѣ твоей играетъ локонь темный!

И какъ горять прелестныя глаза;

Они блестятъ сквозь шолкъ ресницъ твоихъ!

А ротикъ твой, — какъ свѣжъ и какъ роскошенъ!..

И ты моя!! — Могу тебя обнять,

Могу тебя я къ сердцу прижимать!

И съ алыхъ губъ впивать твое дыханье!!

Но любишь ли — Лукреція, меня?

ЛУКРЕЦІЯ.

Мой страстный взоръ не высказалъ ли слишкомъ?

Моя рука, дрожащая въ твоей,

Волненіе мое и жаръ въ крови моей,

И безъ рѣчей, не ясно-ль доказали,

Чего уста открыть бы не желали,

Чтобы души всю слабость затаить?

ВЕРНЕРЪ.

Такъ я любимъ!... свершился мечты

О, еслибъ языковъ я тысячу имѣлъ,

Чтобъ выразить теперь мое блаженство,

И тысячу имѣлъ бы глазъ на то,
 Чтобъ прелестей твоихъ все море пни выпить;
 И тысячью когда бъ я жизнью жилъ,
 То и тогда, то и тогда бы не вмѣстилъ
 Въ душѣ всего блаженства моего!

ЛУКРЕЦІЯ.

Но правда ли?... Счастливитъ ли моя
 Любовь тебя?... Скажи, другъ милый мой!
 И образъ мой въ твоёмъ живеть ли сердцѣ?

ВЕРНЕРЪ.

Какъ въ раковинѣ перлъ, какъ запахъ въ розѣ,
 Какъ въ храмѣ божество — такъ ты въ душѣ моей! —
 И въ смертный часъ, коль мнѣ предстапетъ ангель
 И показавъ — тебя в жизни, онъ мнѣ
 Велитъ избрать, — я выберу тебя! —
 Иль Альпы вдругъ возстанутъ между нами:
 Съ долинами громады ихъ сравню;
 Чтобъ быть съ тобой — я океанъ засыплю;
 И за тебя войну вселенной объявлю!
 И нѣтъ того, на чтобъ я не рѣшился,
 Чтобы тобой навѣки обладать!

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты весь горишь, глаза твои пылаютъ,
 Твое лицо румянецъ страсти жжетъ.
 Такъ прохладись, тебѣ налью я кубокъ.

ВЕРНЕРЪ.

Нѣтъ, милая! не наливай его,
 Хоть бурно кровь въ моихъ бунтуетъ жилахъ
 И хочеть ихъ прорвать, не наливай...
 Мнѣ только взглядъ твой милый упоенье!
 Меня пьянитъ твое прикосновенье!
 Твой страстный взоръ разсудокъ мнѣ мутитъ.
 Мнѣ кажется, что цѣлый свѣтъ вертится,
 И мысль моя за нимъ же слѣдъ крутится.

ЛУКРЕЦІЯ (*ласкаясь*).

Но ты не пьешь.... ты презрѣлъ то питье,
 Къ которому моп касались губы.

ВЕРНЕРЪ (*поспѣшно схватываетъ кубокъ*).

Когда твои уста край кубка цѣловали,
 Давай его, я выпью весь до дна. (*Наливаетъ*).
 Твоя любовь питье мнѣ приправляетъ;
 И былъ бы я виновенъ предъ тобой,

Когда бы тутъ осталася хоть капля. (Пьетъ).
 Кружится голова и лава льется въ жилахъ,
 И воздухъ жжетъ дыханіемъ Самума!

(Опускается на спилку оттомана, подлѣ Лукреціи).

ЛУКРЕЦІЯ.

Ахъ, что съ тобой?... Скажи мнѣ?... Я боюсь!
 Мой свѣтъ и жизнь!... звѣзда моей надежды!!...

ВЕРНЕРЪ (съ возрастающимъ самозабвеніемъ).

Да точно я звѣзда, планета золотая!

Которая мракъ вашей пицеты

Блестательнымъ сіявемъ озарила.

Кто роскошью сравняется со мной?

И кто дерзнетъ — богатствомъ похвалиться,

Противъ моихъ сокровищъ и богатствъ?

Кто знавиемъ похвастаться рѣшится,

Противъ моихъ глубокихъ, тайныхъ знаній?

И кто со мной поспорить можетъ?... кто?...

У ногъ моихъ увижены лежать,

Которые блѣстательны казались;

Передо мной колѣна преклоняють,

Передо мной во прахъ миллионъ.

А подкупной и презрѣнный народъ

Подожвы ногъ моихъ цѣлуетъ рабски.

На мой привѣтъ — восторгомъ отвѣчаетъ

И въ ужасѣ дрожить — отъ глѣва моего!!...

Земля моя!... я властелинъ вселенной!! —

Кто дышетъ — всѣ металлъ блетящій чтуть.

ЛУКРЕЦІЯ (вставая).

Ты говоришь въ горячкѣ, и мечты,

Какъ облака, встають въ твоемъ умѣ;

И вѣршь ты, что міръ твое владѣнье,

Что золото меня влечетъ къ тебѣ?

ВЕРНЕРЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, совѣмъ... дать клятву я готовъ,

Что любишь ты меня!... О, не сердись!...

Прости меня!... Вся Этна пламенѣетъ

Въ моемъ мозгу!... Не знаю, что со мной!...

Ужъ мой языкъ не слушается мысли,

И мысль сама хромаетъ въ слѣдъ за словомъ.

Я пить хочу... Фалериское теки

И прохлади ты жаръ въ моей груди.

(Схватываетъ столцій на столъ кубокъ и жадно выпиваетъ его;
потомъ опять опускается на спинку оттомана).

ЛУКРЕЦІЯ (въ сторону).

Онъ выпилъ все, рѣшеніе скоро будетъ.

ВЕРНЕРЪ (съ увеличивающимслѣбзапамятствомъ).

Поди ко мнѣ, Лукреція, поближе!

Не правда ли, простила ты меня?

Не сердисься? — Такъ положи же ручку

На темя мнѣ... такъ будетъ легче мнѣ.

Я для тебя сотку лучей блестящихъ,

Я оплету вѣвцомъ ихъ шелкъ кудрей,

Въ вемъ помрачить должна ты солнца блескъ;

Уборъ тебѣ съ морскаго дна достану;

Изъ мрамора и золота чертогъ

Воздвигну я тебѣ.. а тамъ...

ЛУКРЕЦІЯ (прервавъ его).

Довольно....

Часы летятъ и вмигъ полночь пройдетъ.

Придешь-ли завтра ты, когда наступитъ вечеръ?

ВЕРНЕРЪ (въ забыты).

Ты говоришь, что завтра?... То же все;

И каждый день съ собою принесетъ

Намъ утро новыхъ наслажденій;

Такъ день за днемъ, за годомъ годъ летятъ,

Пока совсѣмъ мы въ вѣчность не потопемъ.

Мы къ Герцогу приглашены на завтра; (Засыпая).

Потомъ травить оленя послѣ завтра...

Травить.... травить.... олень.... ату его....

ЛУКРЕЦІЯ.

Ужъ онъ заснулъ.... моей онъ власти преданъ,

Могу отдать сейчасъ его врагамъ,

Могу спасти; одно движеніе пальца

Велитъ схватить и въ цѣпи заковать.

Но для меня онъ не шадилъ богатствъ,

Меня всегда онъ украшалъ роскошно!...

Я все брала.... теперь предъ нимъ въ долгу.

Онъ говорятъ, что страстно любить онъ,

И въ вѣрности клянется вѣчной мнѣ,

Но клятву онъ нарушитъ неспремѣнно;

Теперь въ жару, его ко мнѣ влекутъ

Однѣ мечты и дерзость своеволюства.

Изъ вичего вознесъ онъ Мапуэля,

Но моего Фернадо погубилъ;
 И мной самой играть намѣренъ былъ,
 И я отмщу, — отмщу ему за то,
 Въ чемъ такъ его надмѣнность виновата!
 Погибви!... Пропади. Паденіемъ своимъ
 Черезъ того, кого вызвысилъ ты,
 Ты искупи паденіе Фернанда.

(Запираетъ боковую дверь).

ВЕРНЕРЪ *(во снѣ).*

Лукреція!

ЛУКРЕЦІЯ.

Опъ бредить.... бредить мной....

И лучше бы, когда бъ онъ не проснулся!

(Обращается къ нему).

Поблекнетъ вплгъ румянецъ щекъ твоихъ,
 Его сотретъ тюрьмы глѣтворный воздухъ;
 Твоихъ очей погаснетъ ясный лучъ!

(Отходитъ отъ него).

Онъ жалокъ мнѣ! — Но отъ меня вдали
 Фернадо, мой женихъ, томится въ ссылкѣ;
 Я пламенно его желаю возвратить,
 Зачѣмъ же трепещу — вернуть его свершить!!

(Показываетъ на Вернера).

Прочь, прочь, вы словъ его пустые звуки!

Его любовь! — Все кончено теперь;

Рѣшилась я, и запираю дверь!

(Уходитъ въ среднюю дверь и снаружи запираетъ ее).

II.

ВЕРНЕРЪ, *(во снѣ).*

Лукреція!... *(Проснувшись и дико озирается).*

Но я одна.... она ушла,

Оставила меня, такъ Богъ же съ нею.

Какъ голова пуста, глаза горять,

И какъ свинецъ тягичитъ усталость вѣжды,

Я спать хочу.... по не могу заснуть,

Я знаю самъ, что мнѣ заснуть нельзя.

Пусть прохладитъ мой жаръ вечерній воздухъ.

(Отворяетъ окно и стоитъ подлѣ него).

Не видно звѣздъ, онѣ погасли всѣ,
 И скоро мракъ уступитъ мѣсто свѣту;
 Тамъ утро вновь начнетъ свой бѣгъ опять,
 Потомъ еще къ намъ то вернется снова,
 Что было ужъ сегодня и вчера.
 Желанье вновь идетъ за наслажденьемъ,
 И всѣ часы ужасно такъ похожи
 Между собой, какъ братья-близнецы;
 И ни одинъ изъ нихъ не наполняетъ
 Въ груди моей несносной пустоты!
 Я наслажденія безъ мѣры испыталь,
 Но за излишествомъ всегда приходитъ скука;
 Я чувствую, нельзя иначе быть,
 Ужъ у меня всѣ отняты желанья!
 Мнѣ нѣтъ заботъ, надеждъ и ожиданья!
 Я бѣденъ тѣмъ, что все уже узналъ,
 Все приобрѣлъ, чего я ни желалъ.
 Насъ не займетъ избытокъ развлеченій,
 Коль въ душу мы насильно ихъ тѣснимъ;
 Мечтаемъ мы, что наслажденій море,
 А вычерпать ихъ можемъ мы рукой!

(Отходитъ отъ раствореннаго окна въ размышленіи).

Нѣтъ, я мечталъ о счастіи другой,
 И путь другой себѣ я назначалъ;
 Но опустивъ желанью поводъ,
 Бывъ увлеченъ какимъ-то упоеньемъ,
 Я пробудясь, едва пришелъ въ себя;
 И выигрышь — лишь было пресыщеніе!!!
 Но развѣ поздно ужъ назадъ вернуться мнѣ
 На прежній путь, который я оставилъ;
 Вернуться вновь — къ лишеньямъ, къ толпѣ,
 Къ трудамъ, страданьямъ, недостатку?
 Не для того-ль я золото досталъ,
 Чтобъ пролетѣть блестящею кометой?
 И я вернусь — чтобы опять мнѣ плечи
 Подъ бремя пужды и бѣдствій преклопнуть?
 Я былъ бы безъ ума!! Хочу я воли!
 Здѣсь утомленъ и заключенъ въ стѣнахъ
 Души полетъ, и въ устахъ крылья мысли.

(Сильшитъ къ боковой двери и хочетъ ее отворить.)

Вонъ, вонъ скорѣи, хочу бѣжать отсюда.
 Дверь заперта. Но кто жъ могъ запереть?

Луcreция, или нѣтъ?

(Подбѣгаетъ къ среднимъ дверямъ.)

Здѣсь также заперта!

О Боже мой! Кто жъ смѣлъ ихъ запереть?

Не можетъ случай быть. Тутъ, кажется, измѣна!

Такъ отворяйся же, или сломаю я....

(Въ самое то время, какъ Вернеръ бросается къ средней двери, чтобъ разломать ее, она отворяется.)

III.

ВЕРНЕРЪ, ГАРТНЕЙДЪ. ВХОДИТЬ СЪ ПОТАЕННЫМЪ ФОНАРЕМЪ ВЪ РУКѢ,

ВЕРНЕРЪ (отскочивъ).

Что вижу я?!.. Что вижу?!.. Бездны ада!...

Нѣтъ, нѣтъ, не опъ.... и.... быть не можетъ опъ....

ГАРТНЕЙДЪ (дружески раскланиваясь).

Конечно я.... и тѣломъ и душой....

Ну точно... да... я самъ.... я Генрихъ Гартнейдъ,

Помощникъ вашъ. Не зажилъ я въ Кёльнѣ,

Тогда какъ вы оставили его;

Меня влекло чрезъ горы и долины,

Чутьемъ вѣдь я и слѣдъ вашъ отыскалъ,

И наконецъ я, мейстеръ, передъ вами.

ВЕРНЕРЪ.

Но для чего ты гонишься за мной,

Когда тебя я видѣть не желаю?

И въ домѣ здѣсь кого подстерегалъ?

ГАРТНЕЙДЪ.

Нѣтъ, я пришелъ совсѣмъ не для дурнаго,

А для чего, я вамъ скажу сейчасъ:

Пришелъ сюда, по сильному желанью,

Чтобъ только васъ скорѣе отыскать....

Но если нужно вамъ всю истину узнать,

Такъ знайте же: что я покорный вашъ,

Слуга, пришелъ потребовать себѣ

Отъ васъ самихъ награды за услуги.

ВЕРНЕРЪ.

Какой еще? Такъ ты не получилъ

Тѣхъ денегъ, что къ тебѣ я отослалъ?

Ихъ было, кажется, гораздо больше,

Чѣмъ ты своей работой заслужилъ.

ГАРТНЕЙДЪ.

Поймите же, любезный господинъ,
Не золото отъ васъ, я деньги получилъ,
Лишь только что подарочекъ на память;
Его сберечь почелъ себѣ за долгъ.
Но требовать пришелъ я не того:
Мое желанье звукъ, и больше ничего;
Вы мнѣ, сказавъ его, не сдѣлаются бѣдны,
Тогда, какъ я съ нимъ сдѣлаюсь богатъ.

ВЕРНЕРЪ.

Чего жъ ты требуешь? — Скажи ты мнѣ,
Скажи скорѣй....

ГАРТНЕЙДЪ.

Услышите сейчасъ. —

Однако же, позвольте мейстеръ, мнѣ....
Въ покоѣ здѣсь свѣтло, здѣсь море свѣту,
Такъ для чего жъ огарочку горѣть.

(Задуетъ въ фонарь свѣчу).

ВЕРНЕРЪ (съ нетерпѣнiемъ).

Ну, говорю, скажи свое желанье....

ГАРТНЕЙДЪ.

Припомните, прошу васъ, мейстеръ Вернеръ,
То время, какъ стоялъ у печи я,
Стараяся узнать и разгадать
Весь тайный смыслъ чудеснаго искусства;
Мѣшалъ огонь, и уголья таскалъ,
И помогалъ вамъ вѣрно и усердно,
Чтобы скорѣй высокой трудъ созрѣлъ.
Вѣдь я не глупъ, не слѣвъ, учился много,
Учился я — умѣть васъ понимать;
И каждый шагъ я дѣлалъ вмѣстѣ съ вами,
Но только до послѣдняго шага;
То было отъ меня таиться не легко.
Такъ утромъ разъ — меня вы удалили,
И отъ меня составъ послѣдній скрыли;
Тогда, какъ часъ открытiя насталъ,
И чистому таинственный предсталъ
Вамъ духъ сампнъ....

ВЕРНЕРЪ (прервавъ).

Ты требуешь чего?

ГАРТНЕЙДЪ.

Секрета одного.

ВЕРНЕРЪ.

Нѣтъ, никогда!

ГАРТНЕЙДЪ.

Но мы о томъ условились съ вами;
 Когда не на словахъ, то разумѣлось такъ,
 Я понялъ такъ, по-крайней-мѣрѣ, мейстеръ;
 Я вѣренъ былъ, такъ вы меня поймите,
 И то со мной вы честно раздѣлите,
 Что приобрѣсть я вамъ сампмъ помогъ.

ВЕРНЕРЪ.

Мнѣ раздѣлить, сорвать печать съ того,
 Что цѣлые вѣка святыней было;
 И силы скиптръ рѣшится мнѣ отдать
 Подъ остріе меча корыстолюбію!
 Ты золота желаешь — и получишь.
 Но выше не стреми желанья своего.

ГАРТНЕЙДЪ.

Какъ скуны вы, хоть сами и богаты;
 Подумайте, что тайну сохранить
 Тотъ можетъ лишь, кто самъ ее раздѣлитъ;
 Такъ сдѣлайте-жъ меня теперь нѣмымъ.
 Извѣстно вамъ, я знаю слишкомъ много,
 Чтобы всего отъ васъ мнѣ не узнать.

ВЕРНЕРЪ.

Нѣтъ, никогда!... Святыню знанья
 Лишь избранный открыть имѣетъ право
 Достойному; источника золотой
 Течетъ тому, кто преданъ благу міра,
 Кого несчастные всегда благословляютъ.
 Да, золотомъ должна владѣть рука,
 Которая умѣла бы полезно
 Употреблять могущество его.
 Ты бъ изъ него извлекъ какую пользу?
 Ты заперъ бы его и больше ничего.

ГАРТНЕЙДЪ (насмѣшливо).

Такъ стало быть вы избранный изъ всѣхъ?
 И золотой потокъ для васъ достойно льется?
 Вы больше можете, чѣмъ только заперѣть:
 Вы сыпите свои благотворенья,
 Не знаете, что значать наслажденья!

Не для забавъ — вы строите дворцы,
 Не для забавъ — за пиромъ пиръ даете,
 А чтобы хлѣбъ насущный бѣднымъ дать;
 Безцѣнное вино у васъ рѣкою льется,
 Чтобъ жаждущихъ лишь только утолять;
 И слугъ толпа у васъ, п въ золотѣ и шелкѣ,
 Чтобъ наготу у бѣдности прикрыть?
 Ученый мужъ! Гермеса ученикъ!
 Высокій духъ! Кто до тебя достигнетъ?

ВЕРНЕРЪ.

И ты еще смѣешься надо мной!
 Поди, считай ты талеры свои,
 Поди, и звукомъ ихъ уповайся.
 Напротивъ, мой стремится выше духъ,
 Твой умъ тупой его полета не постигнетъ.

ГАРТНЕЙДЪ.

Ужъ будто не смогу я вашъ полетъ постичь?
 Не думайте, что онъ летитъ высоко;
 Не правда, нѣтъ, любезный господинъ!
 Вашъ духъ съ земли не трогается шагу,
 Гнѣздится онъ и въ тнѣ, и въ грязь.
 Вы просто мотъ, и мотъ обыкновенный,
 И только лишь богаче вы другихъ.
 Шатаетесь къ забавамъ отъ забавъ,
 Валяетесь вы въ лужѣ удовольствій,
 И въ алчности меня не вамъ бы упрекать!
 Сидите вы одни у родника,
 И жадными глотками пьете нѣгу,
 А мыслите, что мнѣ и капельки довольно.
 Откроюсь вамъ — мое притворство прочь
 Бросаю я — смиренія ярмо!
 Со мною вы не дѣлитесь, Вернеръ?

(Повелительно и сильно).

Такъ, чортъ возьми... поймите жъ... вы должны!...

ВЕРНЕРЪ.

Что?... Долженъ я?... Да ты сошелъ съ ума,
 Глупецъ!...

ГАРТНЕЙДЪ.

Должны!...

ВЕРНЕРЪ.

Не смѣй промолвить слова,
 Не пробуди ты гнѣва моего!

Мнѣ угрожать теперь еще ты смѣешь,
 Когда тебя могу я раздавить,
 Какъ червяка....

ГАРТНЕЙДЪ (*съ живостію*).

Какъ червяка.... сказали?

Но берегитесь, есть жало у него,
 Чтобъ вамъ оно — сампмъ не повредило!
 Вамъ раздавить!... Что-жъ было бы тогда,
 Когда-бъ нвымъ я разгадалъ загадку
 Богатства вашего, и противъ васъ
 Чужая-бъ зависть вдругъ возстала?...

ВЕРНЕРЪ.

Что говоришь ты мнѣ, возможно-ль это?

ГАРТНЕЙДЪ.

Что-жъ было бы, когда-бъ лишь обольщеньемъ
 Была для васъ Лукреціи любовь;
 А смѣхъ ея — обманъ; любезности — измѣна!
 Когда бы самъ властитель Беневента
 И Мануэль....

ВЕРНЕРЪ.

Что, что еще?...

ГАРТНЕЙДЪ.

А то,

Что если бы теперь я вамъ сказалъ,
 Что всѣхъ прельстивъ своимъ богатствомъ страшнымъ,
 Слова друзей своихъ, и ихъ дѣла
 Вдругъ въ непамять къ себѣ вы обратили?

ВЕРНЕРЪ.

Возможно-ли?... Нѣтъ... нѣтъ... ты вѣрно лжешь!

ГАРТНЕЙДЪ.

Что вамъ готовится, увидите вы ясно.
 (*Подводитъ Вернера къ открытому окну*).

Взгляните ка — вотъ коневъ, шлемовъ блескъ,
 Бернардо тутъ — съ дружиною своей,
 А Мануэль — на стражѣ у дверей.

Ужъ все придумано, чтобъ въ руки ихъ попали,
 Домъ окруженъ и вы совсѣмъ пропали.

ВЕРНЕРЪ.

Ужъ не ослѣпъ ли я?... Онъ правду говоритъ!

(*Помолчавъ*).

Я милостью возвысилъ ихъ обоихъ,
 Изъ пыли ихъ ничтожества извлекъ,

И измѣнить они рѣшились мнѣ!

ГАРТНЕЙДЪ (про себя).

Теперь пора тряхнуть еще сильнѣе,

И мнгомъ плодъ свалится золотой.

(Подходя къ Вернеру).

Лишь пользы для себя, не гибели для васъ

Желаю я, и вовсе не хочу,

Чтобъ вы въ тюрьмѣ всю жизнь свою страдали;

Или, чтобъ цѣпь давила члены вамъ,

И рвали-бъ васъ орудья страшной пытки;

Нѣтъ, Вернеръ, цѣтъ, спасти я васъ хочу.

И я могу, — тутъ въ рошѣ кипарисной

Извѣстно вамъ, есть маленькая дверь,

Сюда въ нее—измѣна васъ впустила,

Коварство же — спѣшило запереть;

Ту дверь я самъ хитро оберегаю.

Подѣлитесь со мной — и вы свободны,

И темнота сокроетъ пашъ побѣгъ.

Что скажете?... Ну... выборъ вѣрно сдѣланъ?...

И дѣлимся мы съ вами....

ВЕРНЕРЪ.

Никогда!

Быть можетъ, я не правъ отъ заблуждений,

И завлеченъ былъ пылкостью своей,

Хоть слабостей не могъ я избѣжать,

Но все-таки меня благославляютъ,

И званья не отдамъ въ удѣлъ корысти я!

ГАРТНЕЙДЪ.

Вы цѣните свою высоко добродѣтель,

И ни во что не ставите меня.

А сами то — едва приобрѣли

Вы съ золотомъ несмѣтныя богатства,

Какъ предались обманчивой игрѣ;

Довѣрились вы всѣмъ неосторожно;

Васъ въ руки взялъ — коварный женскій полъ.

Милiony вы кидаете безумно,

А феннигги бросаете нуждѣ.

И мыслите, что вы добро творите,

И будто-бъ васъ благославлять должны.

Тогда, какъ вы въ безпутномъ опьяненнѣ,

Ведете жизнь въ разгулѣ, въ мотовствѣ,

И оставляете терпѣть ужасный голодъ

И нищету жену свою съ дѣтьми.

ВЕРНЕРЪ.

Какъ нищету?... Ты правду ль говоришь?
Да развѣ я не посылалъ имъ денегъ,
Чтобъ имъ помочь, избавить отъ нужды?

ГАРТЦЕЙДЪ.

Прислали вы, и все я получилъ.
Но деньги тѣ я могъ считать моими,
Онѣ мои.... моей награды часть,
Я могъ ихъ взять; а ваши домъ и дворъ
Мнѣ отданы судебнымъ приговоромъ.
Что-жъ до жены и вашихъ сыновей,
Я видѣлъ ихъ, изъ Кельна выѣзжая:
Они пошли по вашимъ же слѣдамъ,
Прося на хлѣбъ засушный подаивъя.

ВЕРНЕРЪ *(бросаясь на него)*.

Презрѣнный песъ! проклятый дьяволъ!... Можно-ль,
Чтобъ нищая была жена съ дѣтьми?!

За то тебя измѣнника, злодѣя,
Пусть адъ возьметъ на дно кромешной тьмы!
Вы жъ небеса! моей впемлите клятвѣ,
Пусть голова моя отъ этихъ поръ
Не отдохнетъ на мягкомъ изголовьи
И кровь не защититъ меня въ полдневный зной,
Пока слѣда шаговъ ихъ не найду я,
Ихъ тяжкихъ мукъ совѣмъ не изцѣлю!

ГАРТНЕЙДЪ.

А я клянусь всѣмъ золотомъ моимъ,
Клянуся всѣмъ моимъ имѣньемъ малымъ,
Что я скорѣй его пропью совѣмъ,
Скорѣе въ Рейнъ имущество я брошу,
Чѣмъ вы теперь ульнете отъ меня.
Что жъ медлите?... Вѣдь вы въ моихъ рукахъ;
Я былъ у вашихъ ногъ — теперь къ моимъ ногамъ!
Вы учены.... поймете, что вамъ должно.

ВЕРНЕРЪ *(въ сильномъ гнѣвѣ)*.

Кто... я въ твоихъ рукахъ?... О Боже, Боже, мой!..
Да, я хочу тебя отправить въ адъ!

(Бросается на Гартнейда, чтобы его оттолкнуть).

Отчаянье дастъ силъ!... Пусти меня скорѣе!..

ГАРТНЕЙДЪ *(вынимая кинжалъ)*.

Назадъ, назадъ.... со мной оружье есть,

Вотъ мой кинжалъ....

ВЕРНЕРЪ (*быстрымъ движеніемъ руки вырываетъ кинжалъ*).

И нѣтъ его ужъ больше!

Пусти!...

ГАРТНЕЙДЪ.

Назадъ!... Не смѣй поднять руки!

Лишь звукъ одинъ!...

ВЕРНЕРЪ (*борется съ Гартнейдомъ, который силою рукъ своихъ останавливаетъ стремленіе его, и не пропускаетъ пройти*).

Ты самъ стоишь надъ бездной!

Поди же прочь и дай ты мѣсто мнѣ.

ГАРТНЕЙДЪ.

Скорѣ жизнь!

ВЕРНЕРЪ (*внѣ себя*).

Такъ дай же жизнь!

(*Поражаетъ Гартнейда кинжаломъ*).

ГАРТНЕЙДЪ (*падая и вскрикнувъ изъ послѣднихъ силъ*).

Ай, ай!..

Ахъ... помогите мнѣ!.. Я умираю!...

Проклятіе — на голову твою!... (*Умираетъ*).

ВЕРНЕРЪ.

Свободна дверь, открыта мнѣ дорога.

IV.

ВЕРНЕРЪ (*слышитъ въ среднюю дверь*);

МАРЦЕЛЛО (*съ вооруженными людьми заступаетъ ему дорогу*).

МАРЦЕЛО.

Схватить его, въ оковы заключить!...

ВЕРНЕРЪ (*поднявъ кинжалъ*).

Прочь, прочь скорѣй!... Кто смѣетъ подступить,

Умретъ сейчасъ!... Вы золота хотите!...

Я дамъ его, но только не свободу!

Дорогу мнѣ!... Коль жизнь вамъ дорога!!

(*Бросаетъ полную горсть золота вооруженнымъ людямъ, кин-*

жаломъ открываетъ въ толпѣ себѣ дорогу и убѣгаетъ. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ШВЕЙЦАРІЯ.

(Вечеръ. Долина, окруженная огромными горами, покрытыми снѣгомъ, которая красвою отлогостію сходять къ берегу озера; въ глубинѣ тропинка, спускающаяся съ высокой скалы. На переднемъ планѣ, съ правой стороны отъ зрителя, часть хижины Руоди, передъ нею деревянная скамейка; на лѣвой — нѣсколько подале, дерновая скамья).

I.

РУОДИ, одинъ, сидитъ на скамѣ передъ хижинною, и плететъ корзину. Въ горахъ слышны звуки роговъ и звонъ альпійскихъ колокольчиковъ.

РУОДИ (*отложивъ работу*).

Ужъ солнышко сокрылося въ горахъ,
Ужъ всѣ дѣла окончены дневныя,
И я могу свободно отдохнуть,
И звукъ роговъ альпійскихъ нашихъ слушать.

Пастушки всѣ овецъ ужъ гонять съ луга;

И медленно спускаются стада

Со стараго, увѣчнапаго Ури.

(*За хижинною слышно пѣніе альпійской пѣсни, къ которой онъ прислушивается*).

Но тамъ, но тамъ пріятный голосъ мнѣ,

И сладко такъ, какъ пѣнье соловья,

Напѣвъ родной изъ полной груди льется,

То Бетли, дочь богатаго сосѣда,

Ведеть домой отцовскія стада.

(*Вскакиваетъ и идетъ къ плетню, находящемуся за его хижинною*).

Ахъ, вотъ она; съ полей широкихъ шляпки

Ложится тѣнь на милое лицо,

И на ея прекрасныхъ свѣжихъ щечкахъ

Зеленая играетъ лента, словно

Какъ листики на розовомъ цвѣткѣ.

Прости, прощай, моя красотка Бетли!
 Искать руки твоей лишь могутъ господа,
 Наслѣдники богатаго имѣнья.
 (Возвращается къ своей работѣ; Эннели выходитъ изъ хижины и
 подходитъ къ нему).

II.

РУОДИ, ЭННЕЛИ.

ЭННЕЛИ.

Насъ колоколъ зоветъ къ молебѣ вечерней,
 И въ церковь ту, что тамъ въ лѣсу, въ горахъ,
 Со мной итти желаетъ чужестранка,
 Такъ я прошу тебя насъ проводить.

РУОДИ.

Кто-жъ за меня корзинку доплететъ?
 И безъ меня однѣ туда дойдете.

ЭННЕЛИ.

Еще найдешь ты время, проводи
 Руоди насъ, ужъ поздно и крутою,
 Черезъ утесъ, итти дорогой намъ,
 Кто жъ отведетъ, поможетъ чужестранкѣ?
 Кто ей больной, совсѣмъ лишенной силъ
 На крутизнахъ подпорою быть можетъ?

РУОДИ.

Твоя рука не слабѣ моей.

ЭННЕЛИ.

Темно, туманъ, да и чужіе люди
 Въ ту ночь у насъ въ долину появились
 И поздно ужъ бродили по горамъ,
 Ты видѣлъ ихъ?...

РУОДИ.

Да, видѣлъ и узналъ.

То сыщики, они найти желаютъ
 Проводника, цѣной огромныхъ денегъ,
 Который бы рѣшился пособить
 Имъ бѣлаго убійцы слѣдъ открыть.

ЭННЕЛИ.

Боямся мы, поди ты съ нами.

РУОДИ.

Ну, что за вздоръ, ве бойтесь ничего;
Они на васъ и волоса на тронуть.
Ступайте же... пора... теперь ужъ время,
А ежели не полѣнитесь,
То за меня вы также помолитесь.

ЭПЦЕЛИ.

Ну, такъ прощай; конечно за тебя
Я помолюсь, и чужестранка также.
И можетъ-быть, мольба достигнетъ до небесъ.
(Уходитъ).

РУОДИ.

Кто къ верху взоръ высоко обращаетъ,
Того всегда высоко я цѣню.
Ахъ, если-бъ мнѣ имѣть земли побольше!
Когда-бъ владѣлъ я хоть клочкомъ такинъ,
Какъ хижина собою занимаетъ!
Тогда бы могъ и тамъ у ручейка
При ней себѣ я пастбище прибавить,
Держа овецъ, тогда бы нажилъ козъ,
Да и коровъ еще завелъ бы пару.
Вотъ было бъ хорошо, тогда бъ я сталъ копыть,
И крейцеръ я до тѣхъ бы поръ ворочалъ,
Пока-бъ въ моихъ рукахъ онъ талеромъ не сталъ.

III.

РУОДИ, ВЕРНЕРЪ, показывается въ это время, въ простомъ, дорожномъ платьѣ; онъ идетъ по тропинкѣ, ведущей со скалы, разсматриваетъ ландшафтъ и, остановясь близъ озера, погружается въ глубокую задумчивость.

РУОДИ.

Когда жъ бы я деньжонокъ накопилъ,
Тогда бы сталъ все больше въ ростъ пускать,
Еще бы дворъ себѣ на откупъ взялъ,
И хижину за вѣтхостью ея
Сломалъ бы я; а выстроилъ бы самъ
Богатый домъ, на томъ же самомъ мѣстѣ.
Лишь надо мнѣ сто талеровъ нажать;
Да та бѣда, что трудно ихъ добыть.

Восьмидесяти мнѣ довольно бѣ даже было.
(Считаетъ по пальцамъ и задумывается).

ВЕРНЕРЪ (на второмъ планѣ сцены).

Ужъ день прошелъ, на все ложится тѣнь,
Спѣшить домой, что только кровь имѣетъ,
Пастухъ, и всѣ, чтобъ трудъ забыть во спѣ;
Одинъ лишь я покоя не имѣю,
Мнѣ небо кровь, земля постеля мнѣ.

Ахъ, я имѣлъ вѣрнѣйшую жспу,
Имѣлъ дѣтей я милыхъ и прекрасныхъ!
Но ихъ слѣда вѣду теперь напрасно;
Ахъ! съ ними я всего лишился самъ,
И лишь враги за мной стремятся по пятамъ.

Но для чего они слѣдятъ за мною?

Я Гартнейда, злодѣя умертвилъ,
Я за жену, дѣтей, ему отмстилъ,
Которыхъ опъ погибели подвергнулъ.
О! какъ я могъ оставить ихъ въ нуждѣ
И въ крайности, мнѣ милыхъ и безцѣнныхъ,
И какъ я могъ — ему ихъ поручить!
Когда жъ случилось такъ, то для чего жъ они
Наказаны за то, въ чемъ я виновепъ самъ?
Судьба мнѣ вдругъ коварно измѣнила,
И въ ненависть — вниманье обратила!
И всю семью лютейшихъ золь и мукъ,
Мнѣ всѣ несчастія обрушила на шею,
Но я не уступлю — пока собой владѣю!!

РУОДИ (на аванъ-сценѣ).

Когда бѣ поспѣлъ мой домъ и дворъ, и все,
Чтобъ показать во всемъ мое довольство,
То обо мнѣ такъ стали бѣ говорить:
Какъ опъ богатъ, какъ опъ разбогатѣлъ!
И шляпы всѣ снпмалв-бѣ предо мной,
И мой сосѣдъ, богатый, старый Штюссен,
Откинуувъ спѣсь, пришелъ бы самъ ко мнѣ,
И намекать мнѣ сталъ бы такъ и сякъ,
Что домъ хорошъ, но что не достаетъ
Хозяйки въ немъ, и говорить о Бетли,
Что за меня охотно опъ отдастъ,
Лишь захочу; — а я скажу: согласепъ,
Потомъ женюсь, и Бетли ужъ моя!!

О, тщетные, обманчивые сны!

Зачѣмъ мой умъ смущаете напрасно?
 На мнѣ лежитъ все бремя нищеты,
 Я для трудовъ и бѣдствія родился,
 Я не богатъ, не мнѣ счастливымъ быть!

ВЕРНЕРЪ (*подходитъ къ нему тихо
и кладетъ ему руку на
плечо*).

Скажи ты мнѣ, что жалуешься ты?
 И для чего желаешь быть богатымъ?
 Повѣрь, не всѣ счастливые богаты,
 Не богачи счастливы, такъ оставь
 Ты тщетное, безумное желанье,
 И радостно живи, довольный каждымъ днемъ.

РУОДИ (*посмотрѣвъ испытующимъ
взглядомъ на Вернера, послѣ
нѣкотораго молчанія*).

Вы видно къ намъ попали изъ далека,
 До талеровъ вамъ нашихъ пужды нѣтъ.
 А можетъ быть, еще богаты сами,
 И вамъ чужда вся паша нищета!
 Я угнетенъ, задавленъ я судьбою,
 Такъ не мѣшайте же вы жаловаться мнѣ!

ВЕРНЕРЪ.

Не жалуйся: ты молодъ и силенъ,
 Тебя вонть ручей, питаютъ руки,
 И стадо есть; что жъ болѣе тебѣ?
 Ты обуздай, смри свои желанья!
 Что къ счастью ведетъ, то Богъ тебѣ пошлетъ.

РУОДИ.

Надеждой жить! объ этомъ знаю я!
 О томъ всегда сестра моя Эвелин
 Мнѣ говорить, и чужестранка также....

ВЕРНЕРЪ.

Что ты сказалъ?... Какая чужестранка?...

РУОДИ.

Ахъ, сударь мой, страдаллица она,
 Ее въ своемъ я домѣ приютилъ:
 Предобрая, прекрасная такая,
 Безъ ропота всю жизнь въ надеждѣ провела,
 И чѣмъ же ей надежда помогла?
 Она должна была оставить домъ,
 И три года скитаться на чужбинѣ;

И если бѣ въ почь однажды возвратясь,
Я не пашелъ ее на перекресткѣ,
Она бѣ на немъ навѣрно умерла.

ВЕРНЕРЪ.

Оставить домъ?...

РУОДИ.

Ну да, вѣдь мужъ ея

Безъ помощи бѣдняжечку оставилъ,
И, говорятъ она, что преданъ былъ
Онъ черному, таинственному дѣлу,
И все добро до чиста промоталъ,
Что онъ имѣлъ, и все ея наслѣдство,
И въ почь одву внезапно самъ пропалъ.
Какъ видно золото пашелъ онъ дѣлать средство;
Въ богатствѣ самъ и роскоши живетъ,
Кутить себѣ, да праздники даетъ,
А до жены ему и дѣла нѣту.
Она жъ, бѣдняжечка, скитается по свѣту.

ВЕРНЕРЪ (*съ живостію*).

Ахъ, то она, она! Давно слѣжу
Изъ края въ край, пайти ее желая;
И паковецъ отчаялся совсѣмъ
Ее сыскать, какъ вдругъ здѣсь нахожу,
И нахожу се я поздно слишкомъ.
И какъ еще я небомъ сохраненъ,
Когда жену я бросилъ вѣроломно!

(*обратясь къ Руоди*)

Скажи мнѣ, гдѣ покоится она?
Пойдемъ со мной, ты покажи могилу,
Моей жены, моей Агнесы милой!

РУОДИ.

Ну да, ее Агнесою зовутъ;
Да вѣдь она жива....

ВЕРНЕРЪ.

Жива.... Агнеса!

РУОДИ.

Да вотъ она, вы сами посмотрите.
Вонъ сходитъ тамъ она съ крутой горы.

ВЕРНЕРЪ.

Ты говоришь, что то идетъ она?
Ужель она? — Печальная картина!
Лишь отблескъ той Агнесы, что была,

Не отблескъ, нѣтъ, а просто тѣнь ея,
 Хвалился я непобѣдимой силой,
 Хвалился я, что адъ меня де ужаснетъ;
 Но этотъ видъ прискорбный и увѣлый,
 Теперь во мнѣ на части сердце рветъ.

IV.

ВЕРНЕРЪ, РУОДИ АГНЕСА, которую ведетъ ЭНЕЛЛИ.

ЭНЕЛЛИ.

Устала ты, войдемъ скорѣе въ домъ.

АГНЕСА.

Но воздухъ чистъ и вечеръ такъ прекрасенъ.
 Не въ хижину котѣла-бъ я идти,
 А доведи меня къ скамьѣ дерновой,
 Подпора ты моя и проводница.

ВЕРНЕРЪ (*стоитъ нѣсколько мгновеній въ нерѣшимости передъ Агнесою, потомъ принужденнымъ голосомъ произноситъ*).

Агнеса!...

АГНЕСА (*вздрогнувъ*).

Кто зоветъ?

ВЕРНЕРЪ.

Агнеса!... Я!

АГНЕСА (*въ сильномъ волненіи, обращая къ Вернеру, вскакиваетъ*).

О, Боже мой!... Чей голосъ слышу я!

(*Отъ изнеможенія, снова падаетъ на скамью*).

ВЕРНЕРЪ (*съ сильнымъ чувствомъ бросаясь къ ногамъ ея, схватываетъ руки ея, прижимаетъ къ губамъ своимъ и говоритъ задыхающимся голосомъ, но внятно*).

Прости меня! прости!!!

АГНЕСА (*съ кроткою радостію*).

Да, это ты!

Ты Верперъ самъ, я это вижу точно!

И не во снѣ, я вижу на яву!
 Не призракъ ты мечты воображенья,
 Который твой лишь только принялъ видъ.
 Я видѣла тебя не виѣшними глазами,
 И то же самое твой взоръ мнѣ говорить,
 И то же говоришь дрожащими устами.

ВЕРНЕРЪ.

Ты можешь-ли простить меня? Скажи?
 И можетъ-ли раскаянье мое,
 Что такъ меня и мучить и терзаетъ,
 И можетъ-ли сознание вины,
 Тебя ко мнѣ на милость преклонить?
 Внемли, внемли мольбѣ моей, Агнеса!
 Прости, прости !!

АГНЕСА.

Три мѣсяца тому,

Какъ я была больна въ горячкѣ сильной,
 И смѣшанные свѣ мелькали предо мной :
 Какъ будто я вернулась въ край родной
 И Кельнъ предсталъ мнѣ съ башнями своими,
 И Рейнъ шумѣлъ волнами голубыми;
 Казалось мнѣ, ты несся по водѣ
 На челнокѣ, бросаемомъ волнами,
 И пѣснь сиренъ мнѣ слышалась вездѣ,
 Тебя влекла влюбленными словами.
 И все быстрѣй тебя рѣка несла;
 Вдругъ стало мнѣ и страшно и ужасно,
 Я плакала, тебя къ себѣ звала,
 Ты не слышалъ, и я звала напрасно!
 Вдругъ облако съ какой-то черной мглой,
 Какъ гробовой покровъ простерлось надъ тобой.
 И вся рѣка вдругъ пѣною покрылась,
 И буря страшная падъ нами разразилась;
 Вдругъ челнока не стало твоего,
 Ты скрылся самъ отъ взора моего,
 Добычей бури сталъ похищенный волнами;
 Я вскрикнула, въ слезахъ предъ небесами
 Съ молитвою простерлась въ прахъ я!
 Вдругъ слышу я — зовутъ меня;
 Твой голосъ былъ, его сейчасъ узнала,
 Взглянула я — и солнце заблестало!
 Ты — какъ теперь, стоялъ у ногъ моихъ

Отд. I.

И слезы такъ лились изъ глазъ твоихъ,
Ты руку бралъ мою своей рукою;
Произносилъ, съ такою же мольбою:
Прости, прости меня!!

ВЕРНЕРЪ (все еще на колынахъ).

А ты? Простила-ль? Нѣтъ?...

Я вымолить не могъ себѣ прощенья!
Твой кроткой правъ не вычерпалъ никакъ
Моей вины всей пропасти бездонной!

АГНЕСА.

Нѣтъ, Вернеръ, нѣтъ! отъ радости дрожа,
Тебя прижать я къ сердцу успѣшила;
И къ небесамъ рвалась моя душа!
Я за тебя молитву возносила!!

Все кончено! — Вставай, мой милый другъ!

Съ тѣмъ своимъ пропалъ и тягостный недугъ,
Въ моей груди который оставался;
Возвращены — мнѣ радость и покой!
Досады нѣтъ! — Прощенья проступокъ твой!!

(Оба съ жаромъ бросаются въ объятія другъ друга).

ВЕРНЕРЪ.

О, милая, безцѣнная Агнеса!!...

РУОДИ (тихо Энелли).

Вѣдь это мужъ ея, тотъ самый, о которомъ
Она сама рассказывала намъ;
Въ его рукахъ сталъ золотомъ свинецъ.

ЭНЕЛЛИ.

Какое дѣло намъ? Оставимъ ихъ обоихъ.

(Она съ братомъ своимъ уходитъ въ глубину сцены. Руоди, занятый нѣкоторое время разговоромъ съ Энелли, вскорѣ опять приближается къ Вернеру и Агнесѣ, незамѣченный ими).

ВЕРНЕРЪ.

И я забылъ любовь, довѣренность твою!
И мнрѣ души твой я ядомъ отравилъ,
И тернѣемъ я путь тебѣ усыпалъ!
Простила ты, и ты могла простишь!
Ахъ, какъ могу еще смотрѣть въ глаза
Такой, какъ ты, и чистой и невищпой?
Могу смотрѣть — преступникъ и злодѣй!

АГНЕСА.

Нѣтъ, чистые — живутъ лишь въ нѣдрѣхъ свѣта,
Не такъ, какъ мы, мы взяты изъ земли.

Ты не злодѣй, — я также не безгрѣшна;
 Когда тебя стремленіе влекло —
 Я кротость всю, обязанность забыла;
 Сама была неправа предъ тобой: —
 Смиренія — тебѣ не доставало,
 И не было терпѣнія во мнѣ;
 И мой совѣтъ насмѣшкой былъ тебѣ,
 Не ласкою, а бранью — увѣщанье.
 Мой слабый глазъ не могъ повясть того,
 Что ты желалъ себѣ благословеній,
 И облетѣть затѣмъ хотѣлъ весь свѣтъ,
 Добра хотѣлъ, тебя я не постигла!

ВЕРНЕРЪ.

Добра хотѣлъ, хотѣлъ благословеній,
 Но только власть я въ руки получилъ,
 Какъ дикій жаръ разсудокъ помутилъ;
 И безъ ума, я съ мыслью самовластной
 Вдругъ вспрынулъ — будто ото сна!
 И чашу радости я съ жадностью ужасной
 Готовъ былъ выпить всю до два.
 И бѣшено все страсти взбунтовались;
 Все дьяволы, прервавъ внезапно сонъ,
 И пробудясь — въ душѣ моей остались;
 И упоеніемъ какимъ-то увлеченъ,
 Я испыталъ измѣну и лукавство.

То адской былъ обманъ, ужасное коварство!

Они влекли — сіяемъ добрыхъ дѣлъ,
 Но вмѣсто ихъ, не тѣмъ я пламенѣлъ;
 Одно другимъ смѣнялися желанья,
 Не въ видѣ зла — въ одеждѣ состраданья.
 И такъ я палъ, границъ ни въ чемъ не зпавъ,
 И въ опьяненіи отъ роскоши, забавъ,
 Забылъ ту цѣль, къ которой я стремился,
 Забылъ весь свѣтъ — и васъ съ дѣтymi рѣшилъ
 Я Гартвейда коварству поручить.

АГНЕСА.

Онъ поступилъ со мной жестоко слишкомъ,
 Но не одинъ, а все, кто только зналъ,
 Что ты открылъ, къ чему стремился;
 И всехъ почти ихъ зависть поджигала,
 И жадность, злость терзали души имъ,
 И ненависть ужасно волновала,

Но не было изъ нихъ ни одного,
 Къ которому бѣ закралась въ сердце жалость.
 Ахъ! тяжело было мнѣ въ тотъ мигъ,
 Когда за мной ворота затворились;
 И я должна была оставить домъ,
 Гдѣ я жила, въ которомъ я родилась;
 И безъ пристанища изъ Кёльна вышла я,
 Гдѣ колыбель, отчизна мнѣ была!
 О, Вернеръ, да.... ужасно это было....
 И тяжело.... какъ наши сыновья....

ВЕРНЕРЪ (*перебивъ ее*).

Гдѣ, гдѣ они?... гдѣ дѣти?... Говори!..

(*Агнеса молчитъ*).

Но ты молчишь! — И я страшусь!.. О, Боже!
 Да гдѣ-жъ они?... Скажи, Агнеса, мнѣ!

АГНЕСА.

Шесть мѣсяцовъ назадъ, я ихъ похоронила,
 И далеко — въ лѣсу могла ихъ.

ВЕРНЕРЪ (*съ сильною горестію*).

Мой милый Эрнстъ, и умный Вальтеръ мой,
 Вы умерли, скончались!... оба мертвы!
 И ни одинъ изъ васъ мнѣ не остался!

АГНЕСА.

И въ день одинъ обояхъ взялъ Господь.

ВЕРНЕРЪ.

Нѣтъ, это я.... нѣтъ.... я убійца ихъ!
 И могъ отдать — я холоду ихъ члены!
 И далъ пуждѣ — ихъ тѣло обнажить!
 Когда-жъ они кончались предъ тобою,
 Я предавъ былъ излишествамъ страстей;
 Вкушалъ тогда я роскошь наслаждений,
 И въ забытьи, былъ счастьемъ упоенъ
 Полетъ моихъ желаній безпокойныхъ,
 И жаждою оцъ золота горѣлъ;
 Оно мою вооружило руку
 Убійцей быть несчастныхъ сыновей,
 И даже быть — убійцею твоимъ!
 Я вижу, скорбь тебя уже снѣдает!

АГНЕСА (*улыбаясь*).

Нѣтъ, Вернеръ, я здорова и крѣпка,
 О жизни ты моей не сомнѣвайся.

ВЕРНЕРЪ.

Твоя улыбка лжетъ, обманчивы слова!
 И щекъ твоихъ румянецъ слишкомъ яркѣй,
 И впалое отъ горести лицо,
 И глазъ твоихъ огонь какой-то странный,
 Да, это все... все говоритъ мнѣ: смерть!
 И ты таишь, ты отъ меня скрываешь,
 Что я пресѣкъ твой жизненный потокъ,
 Моя рука засыпала источникъ.

АГНЕСА.

Ты мучишь тѣмъ себя, чего и нѣтъ,
 Къ чему роптать на счастіе бывшее!
 Взгляни туда, на небо голубое,
 Его лазурь не скроютъ облака;
 Такъ никакой проступокъ нашъ не можетъ
 Создателя всю милость истощить.
 Умилостивъ его своимъ страданьемъ,
 А не борьбой съ своей судьбою злой!
 Надежда лишь тебя возвысить можетъ.
 Смотри, вѣдь я спокойна оттого,
 Что на Творца надежду возлагаю!
 Тебя наша, и рада я теперь,
 Мнѣ больше нѣтъ желаній на землѣ.

Ты отгадалъ, что время ужъ настало,
 Меня зовутъ... и къ дѣтямъ я иду!
 Коротокъ путь и легокъ переходъ!

ВЕРНЕРЪ.

Они зовутъ, мое-жъ неужли слово
 Не долетитъ до слуха твоего?
 Нѣтъ, я зову — меня не оставлять!
 Не умирать! Ты жить должна... да, жить!!
 И снова то принять изъ рукъ любви,
 Что бѣдственный проступокъ мой похитилъ.
 Живи, живи!... печаль и скорбь прошли,
 И радости потокъ тебѣ польется!
 Теперь-то пользу мнѣ богатство принесетъ,
 Что хочешь ты, исполниться должно.
 Есть золото, есть золото у насъ,
 И оживить тебя имъ будетъ можно!

АГНЕСА (въ лихорадочномъ волненіи).

Остановись! отъ этихъ грѣшныхъ словъ
 Послѣдній лучъ надежды погасаетъ,

И въ ужасѣ отъ нихъ душа моя!
 На золото надежды пѣтъ тебѣ,
 Хотя блеститъ, но все оно есть демонопъ,
 Что счастье твое все въ дребезги разбилъ;
 О, золото! — оно твоя погибель!
 И золото жъ — паденіе твое!! —
 О, Вернеръ! дни мои ужъ сочтены,
 Не откажись мою исполнить просьбу!
 Спаси себя отъ власти злаго духа,
 Которымъ ты въ погибель завлеченъ.

ВЕРНЕРЪ.

Да, я узналъ всю силу мрачной власти,
 Той властію повергнуть въ бездну я.
 Веди меня! — Будь ангеломъ мнѣ свѣта,
 И оттолкни ты въ адъ назадъ врага,
 Ты просвѣти весь мракъ моей души!
 И возврати ты счастье въ грудь мою!
 Когда велишь, я брошу талисманъ;
 И пропади ты все мое богатство!
 И къ намъ опять вы возвратитесь
 Дни бѣдности, дни нашего блаженства!
 Мы можемъ жить.... та самая рука,
 Которая тебя обвятъ держаетъ,
 Тебя поддержитъ, пропитаетъ!! —
 Живи, живи!... для счастья двухъ сердець!
 И всѣмъ моимъ желаніямъ конецъ!! —

АГНЕСА.

Прекрасный сонъ!

ВЕРНЕРЪ.

Онъ правдой долженъ быть.

Взгляни вокругъ, взгляни на эти воды;
 Взгляни на верхъ гигантскихъ этихъ горъ,
 Которыхъ высь до неба достигаетъ,
 Отъ сыщиковъ онѣ защитой намъ.

РУОДИ (подойдя).

Отъ сыщиковъ, сказали сами вы.
 Такъ значитъ васъ преслѣдуетъ толпа,
 Какъ бѣлаго убійцу?...

АГНЕСА (закрываетъ лицо руками).

Какъ убійцу!...

Ахъ, больно, ахъ! Ужасно сердцу больно.

ВЕРПЕРЪ (*Агнесь*).

Спасая жизньъ свою, я самъ убилъ невольно
Того, который васъ злодѣйски погубилъ.

АГВЕСА.

Такъ тѣ, что здѣсь въ долинѣ появлялись...

ВЕРПЕРЪ.

Меня искали тутъ.

АГВЕСА (*съ ужасомъ*).

Ты, Верперъ мой....

Ты осужденъ?

ЭНЕЛЛИ (*обнимаетъ Агнесу*).

Не бойся, пусть ихъ ищутъ.

И будетъ имъ взобраться не легко

На самый верхъ огромныхъ нашихъ горъ,

И вновь сойти, чрезъ щели скалъ въ стремнину.

Въ долину, гдѣ мы скрыть желаемъ васъ;

Не можетъ врагъ никакъ достичь безъ насъ.

ВЕРПЕРЪ.

Хотите скрыть, вы насъ спасти хотите?

РУОДИ.

Довѣрьтесь намъ, мы не обманемъ васъ!

Предателей здѣсь нѣтъ въ долинахъ нашихъ,

Тамъ, гдѣ скалы до неба достаютъ,

И по стѣнамъ ихъ съ нѣмой льются воды,

Есть страшный звѣвъ разсѣлины горы,

Отъ всѣхъ людей природою сокрытый;

Его открылъ нечаянно я самъ,

Охотясь тамъ за дикими козами.

Туда никто не можетъ достигать,

Кого въ горахъ мы сами не проводимъ.

Повѣрьте мнѣ, опасности вамъ нѣтъ.

ВЕРПЕРЪ (*помолчаевъ*).

Да вѣрю я, желаю положиться

Я на тебя, простой природы сынъ,

Ты здѣсь хранишь отцовъ простые нравы,

Ты не предашь меня, не можетъ быть,

И вотъ возьми себѣ за обѣщанье.

(*Отдаетъ Руоди кошелекъ*).

РУОДИ.

И я сдержу, повѣрьте слову вы.

И буду васъ беречь я пуше глаза.

ЭНЕЛЛИ (*смотря на другую сторону озера*).

Взгляни-ка.. братъ, вѣдь сыщики подходятъ,
Вонъ тамъ....

РУОДИ.

Они кругомъ обходятъ берегъ;
Не бойтесь, идти имъ далеко,
И выси горъ для нихъ недостижимы.
Ступайте же, Энелли васъ проводить.
Ты черезъ лѣсъ, къ ручью ихъ проводи,
Иди впередъ, а я пойду за вами.
И мы тогда очистимъ воздухъ здѣсь.

ВЕРНЕРЪ (*береть подъ руку Агнесу*).

Пойдемъ, пойдемъ, Агнеса, до тебя
Моя судьба достигла также,
Тогда, какъ нѣтъ твоей вины ни въ чемъ;
Виновенъ я, ты дѣлишь наказанье! —
Но можешь-ли ты слѣдовать за мной?
Достанетъ-ли на это силъ твоихъ?

АГНЕСА.

Ты обо мнѣ совѣмъ не безпокойся,
Твоя рука подпорою мнѣ будетъ;
Куда бы буря насъ ни бросила съ тобой,
Убѣжище мнѣ будетъ и покой!

РУОДИ.

Ужъ вотъ они, Скорѣй!

ЭНЕЛЛИ (*идетъ впередъ*).

Сюда всходяте.

(Энелли и Вернеръ, ведущій Агнесу, всходятъ по тропинкѣ на скалу и скрываются въ высотахъ).

—
V.

РУОДИ, ПОТОМЪ МАНУЭЛЬ.

РУОДИ (*слѣдуетъ глазами за уходящими, потомъ взвѣшиваетъ на рукѣ полученный имъ кошелекъ*).

Вотъ кошелекъ, биткомъ набитый туго,
Онъ не великъ, однако же тяжелъ;

Тутъ быть должно не серебро, — такого
 Не слыхиваль я звука отродясь,
 Когда я имъ пошевелю немного.
 Не золото-ль?... не золото-ли въ немъ?...
 Да золота я даже не видалъ,
 Его въ рукахъ ни разу не держалъ.
 Давай взгляну на цѣль своихъ желаній.

(Спѣшитъ къ скамьѣ, стоящей у хижины, садится и высыпаетъ золото подлѣ себя на скамейку. Въ это время Мануэль, завернутый въ плащъ, показывается въ глубинѣ сцены).

О, Боже мой! Какой въ немъ блескъ, сіянье!

И на меня съ любовію блещитъ,
 Горитъ огнемъ, зарей вечерней свѣтитъ,
 И мнѣ улыбки шлетъ! А холодно, мертво!

Не видываль, но все тебя я знаю!
 Блестало на краяхъ ты мнѣ вечернихъ тучъ,
 И мнѣ во снѣ сіялъ твой ясный лучъ!

И не твои-ль привѣтствовали искры,
 Какъ солнце здѣсь — льды высей цѣловало,
 И въ зеркалѣ воды огнемъ играло?

И ты мое! о золото мое!

Смотря на блескъ, сіяніе твое

Какъ я горю... не выражу словами!

О! золото мое!!.. Тебя кроплю слезами!

(Въ сильномъ волненіи наклоняется надъ кучкою золота, и дрожащими руками играетъ одною монетою).

мануэль (наблюдавшій за нимъ).

А, золото!... Овъ вѣрно получилъ
 Отъ Вернера, — сомнѣнья въ этомъ пѣтъ.
 Считай, считай! И множь свои желанья!
 Ты мой!.. Его ты знаешь пребыванье,
 За золото ты мнѣ его покажешь слѣдъ!

(Подходитъ незамѣченный и ударяетъ Руоди по плечу. Руоди вскакиваетъ, немедленно закрываетъ золото своей шляпой и вопрошающимъ взглядомъ глядитъ на Мануэля. Занавѣсъ опускается).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

(Дикое гористое мѣстоположеніе. Въ глубинѣ сцены озеро; на берегу котораго сходитъ тропинка съ высунувшейся скалы. Съ лѣвой стороны отъ зрителя свѣжая могила съ деревяннымъ крестомъ; подлѣ нея большой камень).

I.

Эннели (*одна, стоитъ передъ могилою и вѣшаетъ на крестъ ея цвѣточный вѣнокъ*).

Прими изъ рукъ моихъ вѣнокъ убогой!
 Вѣдь у меня нѣтъ больше ничего,
 Да и тебѣ ничто не нужно больше!
 Я плачу о тебѣ, и плакать я должна,
 Хотя тебѣ навѣрно лучше тамъ;
 Съ улыбкою разсталась ты со свѣтомъ,
 И унеслась къ своимъ ты сыновьямъ.
 Но все-таки еще мнѣ плакать должно!
 Не покидай, страдальца, ты насъ!
 И свято я твою исполню просьбу,
 Чтобъ Вернеру всегда мнѣ другомъ быть,
 И утѣшать его въ часы печали.
 Но дай мнѣ силъ, направь мои шаги.

(*Въ задумчивости садится на камень, подлѣ могилы*).

II.

ЭННЕЛИ И РУОДИ, мрачный и также задумчивый, не замѣчая сестры своей, подходитъ къ аванъ-сценѣ).

РУОДИ.

Предательство!.. Ужаснѣйшее слово!!
 И ангелы, услыша звукъ его,
 Пресвѣтлый ликъ внезапно отвращаютъ;
 Земля дрожитъ отъ этого словца.
 Вѣдь онъ мой гость, ему свою защиту
 Я обѣщалъ, да и покойницѣ
 Его женѣ — я въ домъ далъ пріютъ.
 И если ужъ за добрыя дѣла

Мы ожидать должны благословеній,
То неужли я ихъ въ проклятье обращаю?
«Ты не оставь его!»! Была ея
Послѣдняя ужъ просьба въ этомъ мірѣ!
Нѣтъ у него жены и сыновей!
И мнѣ его предать! — Нѣтъ, никогда!

Но долженъ я предать, вѣдь онъ убійца,
Вѣдь приговоръ его я прочталь;
Да онъ и самъ признался передъ нами,
Что точно онъ убійство совершилъ,
И голова его падеть на плахъ.

Мнѣ золота далъ много чужестранецъ,
И болѣе еще за помощь обѣщаль;
Довольно бы, чтобъ съ Бетли жить богато.

Но я еще хочу! Я золота хочу!
И много золота душа моя желаетъ,
Не бѣдваго богатства, а избытка,
Долю всю, а не клочекъ земли;
Всѣ пастбища альпійскія, стада,
Воздушныхъ птицъ, всѣхъ рыбъ въ рѣкахъ у насъ.
Чтобы взойдя на гору высоко,
И далеко взоръ бросивъ на долины,
Я бъ могъ сказать; что это все мое,
Куда бы взглядъ мой только могъ достигнуть.

Такъ можетъ быть, такъ даже быть должно.

Пусть мнѣ свою откостъ тайну Верперъ!

И почему жъ ему бы не открыть?

Иль да, иль нѣтъ? Пусть самъ рѣшитъ судьбу.

Когда моей онъ волѣ покорится,

Тогда пускай въ долину подождетъ

Меня назадъ напрасно иностранецъ;

Пускай въ разщелинахъ онъ путь отыщетъ самъ;

И пусть на крутизнахъ себѣ онъ сломитъ шею.

Но ежели откажетъ Верперъ мнѣ?

Тогда, тогда пускай онъ самъ погибнетъ,

Вѣдь на рукѣ его дымится кровь,

Жепу съ дѣтми онъ бросилъ безъ призрачья,

И то дѣламъ онъ казня осужденъ.

И если я предамъ его, то ужъ за дѣло.

Пойду къ вему.... Эпиели! — Ты за чѣмъ

Пришла сюда, что хочешь подглядѣть?

Эвнели.

Взошла я вверхъ, чтобъ Вернера найти,
И мимоходомъ тутъ осталась у могилы.

Руоди.

Ступай домой, тебя работа ждетъ,
Хозяйничай....

Эвнели.

Что гонишь ты меня

Сурово такъ, недружески отсюда?
Въ короткій срокъ какъ измѣнился ты,
Едва тебя могу я узнавать!
Что мыслишь ты? — Откройся мнѣ, Руоди!
Чѣмъ занять ты?

Руоди.

Тебѣ какое дѣло?

Я тотъ же все теперь, чѣмъ былъ всегда;
Да хоть бы не былъ тѣмъ, хотя бъ перемѣнился,
Тебѣ о чемъ грустить?

Эвнели.

Не знаю и сама

О чемъ грущу! Но иностранецъ тотъ,
Что бѣглеца преслѣдуетъ, я знаю,
Съ тобою говорилъ и золото давалъ....

Руоди.

Его не принялъ я.

Эвнели.

Опять онъ приходилъ.

Руоди (съ гнѣвомъ).

Кто сторожемъ тебя ко мнѣ приставилъ?
И что тебѣ до дѣлъ моихъ? — Пошла.

(Послѣ нѣкотораго молчанія, съ вынужденнымъ спокойствіемъ).

И въ этотъ разъ не пріпялъ денегъ я;
Когда жъ придетъ опять, то поступлю я также.

Эвнели (обнимаетъ его).

Ты гору цѣлую свалилъ съ души моей,
И знала я, что вѣрно не прельстишься
Ты самъ добромъ, безчестно пажитымъ.
И не предашь, Руоди, ты того,
Который разъ тебѣ довѣриться рѣшился.

Руоди.

Ну — не предамъ, я говорю тебѣ.
Но вотъ идетъ сюда и Верперъ къ намъ,

Меня онъ звалъ; оставь насъ съ нимъ однихъ.

ЭННЕЛИ.

Я ухожу утѣшена теперь,
И подозрѣнія ужъ нѣтъ въ душѣ моей!
Ну, Богъ съ тобой! пусть мпlostью своей
Онъ защититъ тебя отъ искушенья.

(Уходитъ).

РУОДИ.

Она утѣшилась, но я уже рѣшился!
И не ея словамъ меня поколебать!

III.

РУОДИ, ВЕРНЕРЪ входитъ, одѣтый небрежно, согбенный, и тихими шагами приближается къ могилѣ Агнесы.

ВЕРНЕРЪ.

Что вы являетесь мнѣ блѣдныя картины
Прошедшаго, обманчивые сны?
Зачѣмъ видъ Вернера, какимъ онъ прежде былъ,
Преслѣдуетъ того, который есть теперь?
Прочь отъ меня — съ твоею злой насмѣшкой!
Нѣтъ, двое ангеловъ спускаются ко мнѣ,
И женщина ведетъ меня рукою чистой.
Изчезви! пропади! — моя рука въ крови.
Агнеса умерла и сыновья въ могилѣ!

Мнѣ ничего не значитъ умереть,
И смертный часъ не страшно претерпѣть.
Но жить! по жить! и вмѣстѣ мертвымъ быть,
Слѣпымъ, безчувственнымъ, холоднымъ, какъ мертвецъ,
И жить еще — ужасное мученье!

(Садится на камень, подлѣ могилы).

РУОДИ (въ сторону).

Опять тутъ слѣзъ, гдѣ онъ сидѣлъ вчера,
Оцпенѣлъ, какъ этотъ холмъ могильный,
Считаетъ онъ песчинки на землѣ,
И стебельки травы. Опъ жалокъ мнѣ!
Но ужъ пора — начну съ нимъ говорить!

(Вернеру).

Здоровы-ли?... День добрый, Вернеръ, вамъ!
Я вѣсть принесъ о чужестранцѣ томъ,
Что васъ теперь отыскиваетъ всюду.

Послушайте....

ВЕРНЕРЪ.

Я слушаю, ну, что?

РУОДИ.

Рѣшительно погнался онъ за вами,
И каждый кустъ въ долину обыскалъ.
Вѣдь вы осуждены....

ВЕРНЕРЪ.

Ну да, я осужденъ.

РУОДИ.

Онъ и меня преслѣдовать затѣялъ,
Въ надеждѣ той, что знаю я, гдѣ вы.
Лазутчики меня подстерегаютъ,
Лишь только я порогъ перешагну.

ВЕРНЕРЪ.

И отъ тебя они отстать не захотятъ.

РУОДИ.

Должны отстать. И даже нынче утромъ,
Лишь по тропѣ сюда я вверхъ пошелъ,
Они сейчасъ прокрались за мною.
Я жъ ихъ провелъ и скрылся самъ въ туманѣ,
Скалу я обѣжалъ и живо внизъ сошелъ,
И разувѣрилъ ихъ. Но болѣе еще,
Всю правду вамъ хочу пересказать:
Начальникъ ихъ со мною говорилъ,
И предлагалъ мнѣ золота премного;
Онъ именемъ зовется Мануэль.
Вы знаете его?

ВЕРНЕРЪ.

И онъ меня, и я его.

РУОДИ.

Онъ человѣкъ особеннаго рода.

ВЕРНЕРЪ.

Онъ человѣкъ, котораго я поднялъ,
И онъ мнѣ измѣнилъ.

РУОДИ.

Какъ это онъ

Рѣшиться могъ, измѣнникъ? — Боже мой!
Мнѣ не поправилъ его со мною ласы,
Возвсनावидѣлъ я его.

ВЕРНЕРЪ.

О вѣрная душа!

РУОДИ.

Я вѣрепъ вамъ, я кровь за васъ пролить
 И жизнь отдать готовъ для вашего спасеня.
 Вѣдь я отъ васъ былъ щедро надѣленъ,
 И въ хижинѣ довольство водворилось,
 Когда пришли подъ крышу вы ея.
 Рабомъ велить быть вашимъ благодарность;
 Вы не забудете Руоди, знаю я,
 Вы къ богачамъ причислили его;
 И стоитъ онъ еще награды щедрой
 За службу вамъ вѣрнѣйшую его.

ВЕРНЕРЪ.

Награды, ты сказалъ, тебѣ награды?

РУОДИ (*послѣ нѣкотораго молчанія*).

Да,

Когда ужъ такъ угодно вамъ назвать.
 Я безопасность дамъ, вы золота дадите.

ВЕРНЕРЪ (*съ жаромъ и вскочивъ*).

Молчи!... на немъ проклятіе лежитъ!

РУОДИ.

Браните вы, когда его есть много.
 Ахъ, Вернеръ, мы стремимся все впередъ,
 Коль много есть, еще желаемъ больше,
 Коль счастливы, блаженства жаждемъ мы!
 Такъ отчего жъ бы мнѣ...? — Въ убожествѣ я взросъ;
 Вы первые, вы золота мнѣ дали,
 И только лишь его я получилъ,
 Воспламенился вдругъ желаньемъ безконечнымъ,
 И горькой трудъ съ себя я свергнуть захотѣлъ,
 И бѣдности стыда хочу теперь избѣгнуть,
 Хочу богатымъ быть, и въ бархатѣ и шелкѣ
 На дорогомъ кофѣ хочу я развѣзжать,
 Хочу... хочу — въ блестящемъ украшеніи
 За царскимъ я столомъ роскошно пировать!
 Я жить хочу и жизнью наслаждаться!
 Вы можете мое желанье утолить,
 И жажду ту, которая сѣдаетъ
 Меня и жжетъ, и мозгъ воспаляетъ!
 Ахъ, сжалитесь, мою исполните мольбу!!

ВЕРНЕРЪ.

И ты! и ты... вѣкъ жившій въ простотѣ,
 Альпійскихъ горъ сынъ честный, праводушный,

И ты... и ты... такъ скоро очумѣлъ,
Отъ одного нечистаго дыханья!
Но знаешь-ли, къ чему стремишься ты?

РУОДИ.

Стремлюся къ вашему высокому познанью,
Чтобъ въ золото металлъ презрѣнный превращать,
И тотъ, кто васъ рѣшился укрывать,
Здѣсь молитъ васъ: (становится на колѣна) откройте ваше знанье!

ВЕРНЕРЪ.

Не понимаешь самъ, чего желаешь ты!
Спроси ее, что здѣсь погребена,
Спроси ее — счастливитъ-ли богатство?
Она все зло несчастья, нищеты
Успѣла испытать; спроси ее!
Иль посмотри ты лучше на меня,
На богатѣйшаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ
Бѣднѣйшаго изъ всѣхъ, живущихъ въ свѣтѣ,
И огранчъ желанія свои.

РУОДИ.

Хотите лишь себѣ сокровище сберечь,
Подумайте, что... какъ бы вамъ сказать...
Я знаю вѣдь, что вы убили человѣка,
Что васъ слѣдятъ, что вы осуждены;
И что дѣна назначена тому
Огромная, кто только васъ предоставитъ,
Вы знаете въ долгилахъ нищету;
Вы знаете — какъ золото прельщаетъ,
Вѣдь сами вы прельщались прежде имъ.
Когда бы помудрить затѣялъ я надъ вами,
То можно-бъ мнѣ теперь сказать, что я
Обязанность свою тогда бъ исполнилъ,
Когда бы въ судъ я самъ представилъ васъ,
Хоть я того совсѣмъ не говорю.
Все случая одна игра пустаго;
Подѣлнитесь сокровищемъ своимъ.

ВЕРНЕРЪ.

Ступай.

РУОДИ.

Какъ такъ? Такъ не хотите вы
Со мной никакъ познаниемъ подѣлиться?

ВЕРНЕРЪ.

Нѣтъ.

РУОДИ.

Точно вѣтъ?

ВЕРНЕРЪ.

Пусть озеро засохнетъ,

И сѣмяна взойдутъ на ледяной горѣ,
Не ранѣе того.

РУОДИ.

Пусть будетъ такъ.

Но поздно ужъ, спѣшу къ работѣ я!
И не причтите вы къ чему-нибудь дурному,
Что смѣло такъ я милости просилъ.
Вы мнѣ сказали «вѣтъ»; ну пусть и будетъ такъ.
И все у насъ останется какъ было:
Я все хозяинъ вашъ, вы мой достойный гость.
Прощайте же, прощайте, до свиданья!

ВЕРНЕРЪ.

(Пристально устремивъ взглядъ на Руоди).

Прощай... прощай!

РУОДИ *(смѣшавшись и опустивъ глаза).*

Но что вы на меня

Такъ пристально, съ памфрешемъ глядите?
Не думаете-ль вы, что я предать
Задумалъ васъ? — Такъ будьте же спокойны.
Я знаю вѣдь, что отказали вы
Въ моей мольбѣ, для моего жъ спасенья;
Вы правы въ томъ и все я вѣренъ вамъ.
Такъ не имѣйте же нисколько опасенья,
Останьтесь здѣсь въ увѣренности вы.
И вамъ никакъ не надо удаляться
Спасительной ограды этихъ горъ,
За ними жъ, дальше, все вамъ угрожаетъ,
И пропасти открыли страшный зѣвъ,
Да и враги васъ тамъ подстерегаютъ;
Ужъ безусловно вы теперь довѣрьтесь мнѣ...
И такъ, сударь, счастливо оставаться.

ВЕРНЕРЪ.

Прощай! *(Руоди уходитъ).*

IV.

ВЕРНЕРЪ, послѣ нѣкотораго молчанія.

Пошелъ онъ, чтобъ меня предать.
Пускай его — мнѣ нечего терять!

Отд. I.

Да, нечего! одно лишь время жизни;
 Что въ ней? Пускай возьмутъ ее!
 Къ паденію моя склоплася звѣзда,
 Упалъ туманъ, всѣ тѣни улетѣли,
 И ясенъ сталъ путь жизни мнѣ теперъ.
 Проклятье надъ тобой, несчастное желанье,
 И жажда золота! Будь мною проклята,
 Съ твоимъ огнемъ ничѣмъ неугасимымъ;
 Ты моего прошедшаго кумиръ,
 Да и всего грядущаго погибель.
 И ты, и ты будь проклято на вѣкъ,
 Презрѣнное сокровище мое!
 Которое на свѣтъ извлекъ я для несчастья,
 Мудрецъ тебя опять покроетъ тьмой;
 Ступай назадъ ты снова въ царство ночи,
 Забвенье поглоти моихъ познаний мракъ,
 Прославляя я его, и я жъ его разрушу.

(Во время послѣднихъ словъ, вынимаетъ сохраняющуюся на груди его коробочку и сплываетъ къ озеру.)

Развѣйся пыль и пропади въ горахъ,
 И погребись въ водѣ, и въ воздухѣ исчезни.

(Бросаетъ на воздухъ пыль, находящуюся въ коробочкѣ, пустую ее опять прячетъ на груди.)

V.

ВЕРНЕРЪ И ЭННЕЛИ, входятъ съ большою грустію, но увидѣвъ Вернера, бѣжить къ нему очень скоро.

ВЕРНЕРЪ.

Но, кто идетъ? Эннели...

ЭННЕЛИ *(поспѣшно и задыхаясь)*.

Слава Богу,

Что я нашла васъ скоро такъ; бѣгите,
 Спасайтесь сейчасъ.

ВЕРНЕРЪ.

Бѣжать, зачѣмъ?

ЭННЕЛИ *(поспѣшно)*.

Вы медлите, когда враги за вами

Сюда на верхъ ужъ лезутъ на скалу.

Что медлите, бѣгите же скорѣй!

ВЕРНЕРЪ (помолчавъ).

Твой братъ мнѣ сдѣлался злодѣемъ,
Онъ измѣнилъ....

Энвели.

Прости его Господь!

Онъ предалъ васъ, онъ впалъ во искушенье.
Его пашла я здѣсь, меня онъ удалилъ;
Но вѣрно мнѣ внушилъ самъ ангелъ Божій,
Чтобъ въ домъ я шла совсѣмъ другой тропой,
Ближайшею, но самую крутой;
И по скалѣ едва съ трудомъ лѣпилась,
Откуда внизъ вода стремглавъ катилась;
Какъ вдругъ внизу увидѣла враговъ,
Я спряталась тогда между кустовъ;
Чтобы подслушать ихъ, склонилась надъ водою,
Вдругъ шумъ шаговъ я слышу за собою:
То былъ мой братъ и онъ отсюда шелъ,
Онъ блѣденъ былъ, съ поникшей головою;
Въ смущеніи онъ мимо внизъ прошелъ.
Все попля, я все тогда узнала!
Его позвать тогда хотѣла я,
Но вскрикнуть силъ отъ страха не достало,
Отчаянье сразило вдругъ меня,
И чувствъ совсѣмъ едва я не лишилась;
Шатаясь, пошла я по тропѣ.
Когда же тѣнь отъ глазъ моихъ сокрылась,
Свершилось все, ужъ братъ стоялъ въ толпѣ,
Съ начальникомъ они ужъ толковали,
Хоть я не слышала словъ брата моего,
Но видѣла, онъ руку жалъ его.

Бѣгите же, иначе вы пропади!

Спасайтесь же, я васъ спасу, ей, ей!

Бѣгите вы за мною поскорѣй,

И новой васъ я проведу дорогой.

ВЕРНЕРЪ.

И ты меня рѣшаешься спасти,

Меня отъ нихъ желаешь провести!

Дитя, дитя! вѣдь ты сама не знаешь,

Что для тебя полезно можетъ быть.

Веди меня ты лучше къ нимъ на встрѣчу

И сдай меня сама ты въ руки ихъ.

Ужъ брата твоего пошелъ передъ тобою,

И лучшее успѣлъ ужь совершить;
 И что онъ заслужилъ, ты можешь заслужить.
 Эвели (прижимая руку къ сердцу).
 Я не могу!...

ВЕРНЕРЪ.

Не можешь ты предать,
 Не можешь ты мнѣ клятвы не сдержать?
 Ты! женщина!... Коль золота бѣ тебѣ,
 Когда бы съ нимъ сокровищъ предложили?

ЭВЕЛИ.

Не надо мнѣ сокровищъ всей земли!
 Бѣгите лишь скорѣй отсюда вы!

ВЕРНЕРЪ.

Ты можешь быть награды ожидаешь,
 И больше приобрѣсть желаешь, чѣмъ твой братъ
 Тамъ получилъ, предавъ меня врагамъ?

ЭВЕЛИ.

И благодарности отъ васъ я не желаю,
 Повѣрьте мнѣ, любезный господинъ.
 Но только лишь не медлите вы больше,
 И слѣдуйте за мной.

ВЕРНЕРЪ (ласково).

Нѣтъ, нѣтъ, мое дитя!

Нѣтъ, нѣтъ, меня зоветь моя судьба,
 И слѣдую я голосу ея;
 Рука моя еще дымитя кровью,
 Я самовольничалъ мопмъ познаемъ,
 И счастьемъ всѣмъ; но часъ уже пробилъ,
 Ужъ небеса желаютъ воздаянья!
 Когда бѣ бѣжалъ, тогда бѣ я трусомъ былъ.

ЭВЕЛИ.

Ахъ, для чего вамъ это говорить?
 Исполните скорѣй мою вы просьбу.
 Ужъ здѣсь они появятся сейчасъ.
 Но ежели вина васъ угнетаетъ,
 То вамъ еще надежда можетъ быть,
 Вѣдь вы раскаялись, за то васъ Богъ простить;
 Страданіемъ вы милость заслужили.

ВЕРНЕРЪ.

Вся жизнь моя проклятью предана;
 Вина искупится, когда я жизнь покину.
 Оставь меня, дитя мое, оставь,

Ужъ вамъ пора съ тобою разлучиться,
 Ты обо мнѣ заботы не имѣй,
 Пускай враги мои сюда пропикнуть,
 Но предо мной лежить спасенья путь,
 Я разорву ихъ сѣти и тевета.
 Лишь вспомни обо мнѣ, какъ чистая душа
 Твоя къ Творцу съ молитвой вознесется.
 Благодарю тебя я отъ души
 За все твое къ жемѣ моей вниманье.
 Теперь прощай!

ЭНПЕЛИ.

Но холодомъ какинъ
 Звукъ вашихъ словъ мнѣ въ душу страшно вѣетъ,
 Признайтесь мнѣ, чего хотите вы?
 Не доброе задумали вы что-то!

ВЕРНЕРЪ.

Поди, поди, тебѣ я говорю!
 Того хочу, приказываю я! (*Ласково*)
 И сохрани тебя во всемъ Создатель.
 Что жъ приобрѣсть предательство могло,
 То пусть тебѣ въ благословенье будетъ.

ЭНПЕЛИ.

Прощайте же, иду, что дѣлать мнѣ?
 Однако же сказать я вамъ должна,
 Пока совѣмъ мы съ вами не разстался,
 Что никогда я части не возьму
 Изъ денегъ тѣхъ, что добыты пзмѣной;
 И въ хижины свою я не войду,
 Я удалюсь отъ родины своей.
 Въ далекой край отсюда я уйду,
 И, въ услуженіи чужой подвергнусь власти,
 Но горестъ грудь все будетъ наполнять
 За братвию предательство. Простите,
 Вотъ мой путь, а вы своимъ подите. (*Уходитъ.*)

ВЕРНЕРЪ.

Какъ близко иногда съ растеньемъ ядовитымъ
 Цѣлебное растеніе цвѣтетъ;
 Какъ иногда чистѣйшая невинность
 И вмѣстѣ съ ней ужаснѣйшій обманъ
 Дыханіемъ однимъ и тѣмъ же дышуть.

Прельщенью золота подвергся даже я!
 Веѣ увлеклись его очарованьемъ,
 Гартпейдъ и Герцогъ самъ, Руодп, Мануэль;
 Не увлеклась имъ лишь одна пастушка.
 Да, на землѣ, какъ видно вѣрность есть!
 И кубокъ мой, наполненный похвальною,
 Благодаря Творца, ты усладила мнѣ!

VI.

ВЕРНЕРЪ И МАНУЭЛЬ съ нѣсколькими вооруженными людьми.

МАНУЭЛЬ (*разставляя людей*).

Вы стерегите тутъ тропинку съ высоты;
 А вы — здѣсь входъ ведущій изъ долины.
 Начну съ вамъ говорить и только дамъ вамъ знакъ
 Вы сейчасъ-же спѣшите всѣ ко мнѣ;
 Теперь оставайтесь здѣсь.

(Медленно подходит къ Вернеру, который между-тѣмъ опять уже стѣлъ на камень подлѣ могилы Агнесы.)

Простите, Вернеръ Гольмъ,
 Вы плѣвникъ мой!

ВЕРНЕРЪ.

Я плѣвникъ твой? Кто, я? —

МАНУЭЛЬ.

Не думайте вы мнѣ сопротивляться,
 Вамъ выхода отсюда нѣтъ нигдѣ;
 Окружены вы стражей отовсюду.

ВЕРНЕРЪ.

Какъ ты меня, такъ я тебя пашель,
 Ты сверженъ былъ тогда съ вершины счастья;
 Оставленъ, осужденъ въ добычу страшныхъ бѣдъ,
 И смерть тому теперь ты самъ приносишь,
 Кто некогда полезень былъ тебѣ.

МАНУЭЛЬ.

То не моя, но Герцогова власть,
 Чтобъ за убійство то, которое свершили,
 Представить васъ въ судилище его;
 И вы во зло, прошу васъ не вмѣните,
 Что въ точности исполнить долженъ я.

ВЕРНЕРЪ.

Нѣтъ, право нѣтъ, твою я вѣрность знаю,

Какъ золото ты вѣрешь.

МАНУЭЛЬ.

Точно такъ.

И быть могу я также благодарнымъ,

И я-бъ хотѣлъ вамъ это доказать.

ВЕРНЕРЪ (*вставъ*).

Хотѣлъ бы?

МАНУЭЛЬ.

Но тише, чтобъ они

Здѣсь не могли меня подслушать съ вами,

Я вамъ свободу дамъ, пуцу бѣжать,

Лишь только вы за то въ награду мнѣ

Откройте перлъ таинственныхъ познаній,

Неисчерпаемый, извѣстный вамъ родникъ

Огромнаго, песмѣтнаго богатства.

ВЕРНЕРЪ.

А если нѣтъ?

МАНУЭЛЬ.

Какъ нѣтъ! для васъ въ опасный часъ

Вы вздумали теперь шутить со мною.

Такъ знайте-же, что ждетъ темница васъ;

Что пытка ждетъ, съ ужаснѣйшимъ мученьемъ,

Что дьяволовъ самихъ она изобрѣтенъе,

Ее никто перенести не могъ.

Ну — да, или нѣтъ?

ВЕРНЕРЪ.

Ты дашь мнѣ убѣжать?

Я знаю, что твое великодушье

Издаде лишь алчности твоей;

И я тебѣ довѣрюся? — Скорѣй

Песку, волнамъ, чѣмъ этой сильной жадѣ,

Которая кипить въ груди твоей.

МАНУЭЛЬ.

Но къ золоту и сами вы стремились!

За что-жъ теперь браните вы меня?

ВЕРНЕРЪ.

Не сравнивай со мною ты себя!

И мы съ тобой не сходимы совершенно,

Къ высокому стремишь желанье я;

Не успокоился, пока я не открылъ,

Что ото всѣхъ сокрыто мракомъ вѣчнымъ,

И было то проклятемъ для меня!

Погибелью мое мнѣ званье было.

И я сберегъ его, какъ смертный ядъ,

И заключилъ его я за печатью,

Сокрылъ его за крѣпкимъ я замкомъ,

И при себѣ храню я ключъ его.

МАНУЭЛЬ (*поспѣшно*).

Но гдѣ же онъ? — Отдайте мнѣ его.

ВЕРНЕРЪ.

Нѣтъ....

МАНУЭЛЬ.

Отказать вы мнѣ рѣшились?

ВЕРНЕРЪ.

Да.

МАНУЭЛЬ (*даетъ знакъ вооруженнымъ людямъ*).

Возьмите же его.

(Они быстро бѣгутъ къ Вернеру съ обнаженными мечами).

Подай мнѣ ключъ скорѣй,

(Выхватываетъ мечъ).

Иль силой отниму! — ну, гдѣ же ключъ?

(Въ это время вооруженные люди бросаются съ мечами на Вернера).

ВЕРНЕРЪ (*подпустивъ ихъ къ себѣ, быстро вынимаетъ скрытый у него кинжалъ и вскрикнувъ*).

Вотъ онъ!

(Закалывается и падаетъ мертвый посреди вооруженной толпы).

МАНУЭЛЬ (*бросаясь обыскивать его*).

Скорѣе обыскать!

(Вынимаетъ коробочку, скрытую на груди Вернера).

Нашель, нашель! *(Открываетъ).*

Пуста!!

(Почти въ сумасшествіи вскрикиваетъ надъ трупомъ):

Пусть сатана твою проглотитъ душу!

И съ золотомъ ты въ тартаръ провалишься.

(Хохочетъ дикимъ смѣхомъ, и съ выраженіемъ сильной злости падаетъ на трупъ Вернера. Занавѣсъ опускается).